

Евгения
Сергиенко

Ангелы не спят

Евгения Сергеевна Сергиенко

Ангелы не спят

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55816788*

Аннотация

Две близкие подруги, Павла и Ярослава, юны и беззаботны. Но в их жизни приходят испытания: любовью, сложными отношениями с близкими людьми, взрослением. Как отличить настоящую любовь от слепой страсти? Как защититься от насилия и несправедливости? Как создать счастливую семью, где будет звенеть радостный детский смех? Возможно, девушкам помогут их необычные способности – надо только не испугаться, а поверить в себя и в чудо. А как же ангелы? Оказывается, они действительно живут рядом с людьми – наблюдают, берегут и хранят. Но иногда, самим ангелы нуждаются в помощи или просто, очень-очень хотят с кем-то поговорить.

Рукопись выиграла грант Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь».

Евгения Сергиенко

Ангелы не спят

Земля уходит из-под ног. Я пытаюсь ухватиться за её края кончиками пальцев, но всё вокруг двигается слишком быстро, и уже через секунду вокруг меня рождается тёмно-синяя бездна. Водоворот затягивает на неизведанную глубину.

Сжавшись от страха в комок, я зажмуриваюсь и лечу вниз. Всё тело дрожит.

Вода обнимает меня своими потоками, кружит и мотает из стороны в сторону. Она хочет запутать меня в глубине, затуманить разум...

В какой-то момент всё останавливается.

Открыв глаза, я смотрю вперёд сквозь тёплую и чистую воду. Вокруг плавают прекрасные светящиеся рыбы, они машут плавниками, призывая присоединиться к их стае. Это счастливые рыбы, они улыбаются круглыми, полными смысла глазами.

Но я не рыба и не могу долго находиться под водой, нужно выбраться на поверхность. Изо всех сил отталкиваюсь от морского дна и стремительно плыву вверх.

Рыбы следуют за мной, их становится больше и больше. Быстро двигая хвостами, они кружатся вокруг, ослепляют мерцающим светом и сбивают с толку.

Теперь я не знаю, куда плыть, и не вижу ничего, кроме их

блестящей чешуи. Неужели эти создания не понимают, что утопят меня?! Зачем они мешают мне спастись? «Эй, рыбы, плывите по своим делам!» – кричу, заглядывая в круглые глаза, но изо рта выкатываются только пузыри воздуха.

Руками пытаюсь оттолкнуть от себя морских обитателей, но они не желают уплыть, а кружатся всё быстрее, источая яркий свет. Сотни сияющих огней затуманивают сознание.

Я не понимаю, где нахожусь, вокруг только ослепительное свечение. Свет проникает во все уголки тела, наполняя разум чистотой и силой. Золотисто-белые иголки не дают остаться на месте, я должна бежать, плыть, лететь, двигаться. Ещё немного, и свет пронзит меня сияющими копьями, растворив в своих потоках.

Пытаюсь шагнуть, но тело не хочет подчиняться. Я не чувствую рук, не вижу ног, а свет продолжает наполнять, не оставляя внутри меня места ничему, кроме удивительного сияния. Кажется, я теряю человеческий облик и превращаюсь в прекрасную светящуюся рыбу. Счастливую рыбу.

Лучи утреннего солнца ложатся на лицо. Первым делом шевелю пальцами ног. На месте. Теперь сжимаю и разжимаю ладони. Всё работает, отлично – я не рыба. Неохотно открываю по очереди правый, затем левый глаз и отправляю странные сны на растерзание субботнему рассвету.

В комнате всё на своих местах, значит, мы приехали не слишком поздно и в квартиру вошли аккуратно. Славка спит

на полу, уткнувшись носом в моего любимого плюшевого медведя, её длинные волосы растрёпаны и спутаны, от вчерашней причёски не осталось и следа.

С трудом нащупываю тяжёлой рукой подушку и с размаху бросаю её в засону. Славка недовольно фыркает и, морщась, переворачивается на другой бок, ко мне лицом. О боже, похоже, мы легли не умываясь!

Подруга, не открывая глаз, находит подушку и бросает обратно, попадая мне прямо по голове, – удивительная меткость для сонного человека.

– Что у тебя с лицом? Просто кошмар! Ты похожа на памятку амазонку... – хихикаю я.

Славка широко распахивает голубые глаза и с возмущённым видом резко садится.

На её белых и узких плечах играют несколько солнечных лучей, пробравшихся в комнату через маленькую щель в плотных шторах. Но, взглянув на меня, подруга тут же покатывается от смеха и падает обратно щекой на медведя.

– Себя-то видела? Ты похожа на панду, у них такие же круги вокруг глаз! – смеясь, отвечает она.

И правда, совсем не подумала о том, что прошлую ночь мы провели вместе, а значит, у меня видок не лучше.

– По утрам я редко выгляжу на миллион, зато вечерами бываю сногшибательной, – говорю я, кидая в лежебоку ещё одну подушку.

– Конечно-конечно, и от скромности не умрёшь! – улы-

баясь, подкалывает Славка и ловко уворачивается от моего пухового снаряда.

Вчера я и правда была сногшибательной, ведь день рождения – идеальный для этого повод. Возможно, отмечать двадцатилетие вдвоём с лучшей подругой не так весело, как в шумной компании, но это мой осознанный выбор из сотни возможных вариантов. Осталось восстановить картину событий и можно считать вечеринку удавшейся.

– Кстати, что за парень нас подвозил? – спрашиваю я, пытаюсь собрать воедино пазл из воспоминаний.

Славкины брови удивлённо подпрыгивают.

– Не помнишь?! Это же ты с ним зажигала весь вечер, танцевала как в последний раз! А потом попросила подвезти нас, и он согласился, хотя был сильно пьян и не знал дорогу. Ненормальный какой-то.

– Ого! Не местный и пьяный?! Зачем мы сели к нему в машину? – обычно я всё держу под контролем, но, похоже, в этот раз контроль нужен был мне.

Ох мамочки! Перед глазами возникает танцпол с кучей нарядных девиц и парней, желто-белые вспышки софитов, стойка бара, Славкин смех, пара туфель в моих руках... Кажется, я их сняла...

Славка поджимает губы и с укором тарашится на мои торчащие из-под одеяла ноги. Следом за ней я тоже опускаю взгляд и вижу перед собой чёрную подошву.

Да уж. И правда – сняла! Танцевала босиком, а это моя

персональная крайность.

– Вы оказались сильнее меня! – Славка лёжа наблюдает за мной.

– Я и этот парень? – по миллиметру вытягиваю из неё информацию.

– Нет, ты и виски! Я вела тебя к такси, но ты сопротивлялась, – подруга говорит строго и сверлит меня взглядом.

Я стыдливо опускаю глаза, а она продолжает:

– Кричала на меня, убегала, потом пела песню Лепса на стоянке клуба, а в итоге забралась в машину к неместному и нетрезвому водителю.

– А ты? – спрашиваю, не поднимая глаз.

– А я не могла тебя бросить, – говорит Славка.

Вообще-то, наши не частые походы в клуб никогда не сопровождаются какими-то приключениями. Мы обе знаем меру в напитках и, натанцевавшись вдоволь, всегда вызываем такси и отправляемся по домам.

– Я прилично себя вела? – с надеждой спрашиваю подругу.

– Как сказать... уговаривала горе-водителя пустить тебя за руль...

– Вот, блин! Зачем?

– Понятия не имею! Размахивала правами, говорила, что ты здесь самая трезвая, и в доказательство тыкала в кончик носа всеми пятью пальцами по очереди. – Подруга пытается говорить серьёзно, но в голосе чувствуются нотки смеха.

Похоже, поездка была весёлой.

– Какой кошмар! Так стыдно, и ни одного воспоминания! И как мы от него отделались? – с нетерпением спрашиваю я.

– Я сказала, что мы пописаем и спустимся, – улыбаясь, отвечает Славка.

– А мы? – я подхватываю её улыбку и уже знаю, каким будет ответ на вопрос.

– А мы пописали и легли спать, – гордо заключает подруга.

Расплываюсь по постели от удовольствия. У Славы врождённый талант отвязываться от парней. Я так не умею и, наверное, никогда не научусь, всегда чувствую себя обязанной в ответ на любую мелочь. Она же говорит, что должна будет только будущему мужу и, пока этот несчастный ей не повстречался, остальным рассчитывать не на что!

Отшивать мужчин подруга умеет мастерски. Некоторые, исчезая за горизонтом, сохраняют намерение подкатить снова, а особо неугодные шарахаются от неё, как от чёрта. Интересно, как она это делает.

– Надеюсь, я не оставила номер? – продолжая пытаться подругу, я поднимаюсь и одним движением распахиваю шторы.

В нашем дворе уже всю кипит жизнь. Под окнами мамочки с колясками наматывают круги, на площадке носится ребятня, шлепая резиновыми сапогами по лужам, а у подъезда, размахивая руками, баба Маша делится новой историей со своими соседками по скамейке.

Подруга качает головой, поражаясь моей внезапной амне-

зии.

Уже давно мы со Славкой придерживаемся одного негласного правила на двоих – никогда не знакомиться с парнями в клубах! И дело здесь даже не в том, что во время зажигательного танца под действием коктейля можно вообразить себя «Мисс Вселенной» и вляпаться в историю. Просто мы считаем, что «хороший парень» и «завсегдатай клуба» – это два разных, совершенно противоположных человека.

– Ещё как оставила! Сама вбила цифры в мобильный, только зачем? Он москвич вроде... Улетит, и всё! Будешь письма писать, что ли?

– Ничего я не буду, подумаешь, номер! Просто потанцевала с симпатичным парнем, – снова забравшись в постель, говорю я. Не хочу, чтобы это прекрасное ленивое утро заканчивалось.

– Симпатичным? Ты же ничего не помнишь! – Славка смеётся во весь голос и, сбросив с себя одеяло, садится на ковёр, прогибая спину. Затем, возомнив себя моделью, она ерошит спутанные волосы и намеренно размазывает остатки вчерашней туши по лицу.

– А я? Разве я не симпатичная? – она говорит притворным детским голосом и хлопает глазами, как кукла.

Я покатываюсь от смеха. Славка видит своё отражение в зеркале и, плавно поднявшись, с видом греческой богини шагает в мою сторону и, поправляя кружевное белье, говорит:

– Смотри, какая я красотка! Обними же меня, я только что с обложки!

– Ты... с обложки диска... с японским ужастиком! – громко завизжав, прячусь под одеяло. Но подруга тут же запрыгивает сверху.

– Сейчас я тебя накажу, чтобы не садилась в машину к незнакомым! – С криком победителя она лупит меня подушкой по спине.

Захлёбываясь смехом, я пытаюсь сбросить её, но Славка прицепилась как клещ.

– Получай! Вот тебе! Разве мама не учила, что так делать нельзя! – Она смеётся, то и дело щипая меня за бока и качаясь из стороны в сторону от моих попыток освободиться.

Я стучу пятками по её спине и, прогнувшись, кусаю подругу за ногу.

Взвизгнув, она теряет равновесие, и мы вместе падаем с края постели прямо на пол, продолжая выяснять, кто сильнее в подушечном бою.

Сквозь визги, крики и смех мы не сразу разбираем чириканье дверного звонка. Родители вернулись!

– Па-ша! – слышу через входную дверь. – Ты что, нас пускать не хочешь?

Быстро натягиваю пижаму – и чего им не сидится на даче, – в Славку бросаю свой домашний халат и в один прыжок подлетаю к двери.

– Ярослава, чему это я её не научила, просвети пожалуй-

ста, может быть, ещё не поздно? – Мама, подозрительно глядя по сторонам, переступает порог, её строгий голос заставляет нас обоих вытянуться по струнке.

Первым делом мама осматривает квартиру, видит, что стены, пол и потолок на местах, а её бесценные напольные вазы целы, и делает выдох. Следом в поле зрения попадаем мы с подругой. Быстро изучив нас взглядом, мама проглатывает смешок, но, стараясь не потерять серьёзный вид, сурово хмурит брови. Кажется, я надела пижаму задом наперёд, а перекошенный халат на запыхавшейся Славке вообще выдаёт нас с потрохами.

Папа заходит следом.

– Что здесь у вас за война с утра? – замученным голосом интересуется он.

Мама держала его на даче целую пятницу, а прохлаждаться на наших десяти сотках она никогда и никому не даёт. И хотя папа совсем не любит ковыряться в земле, он часто жалеет маму и в ущерб своим интересам отправляется на покорение дачного участка. Мама всегда принимает это как должное, хотя в глубине души она догадывается, что отец всего лишь делает ей одолжение.

У родителей полные руки пакетов и контейнеров из-под рассады, какие-то мешочки, семена, коробочки, баночки, верёвки и палки всех мыслимых размеров.

– Думаю, время уже упущено. Но в целом Павла прекрасно воспитана и очень похожа на вас умом и красотой, – го-

ворит Славка, расправляя подол халата.

Мама расплывается в улыбке, один за другим сбрасывая сапожки.

– Спасибо, дорогая, ты умеешь порадовать добрым словом, – отвечает мама и, чмокнув подлизу в щеку, сует ей в руки два огромных пакета.

– Будь добра, унеси на лоджию, поставь рядом с рассадой. И умойтесь, ради бога, страшно смотреть!

Славка покачивается от неожиданности, но удерживает равновесие и, прокрутившись на пятке, меняет курс. Мама исчезает на кухне.

Поймав полный страдания папин взгляд, я сочувственно киваю, забираю из его рук оставшиеся пакеты и следую за подругой.

На лоджии мы заговорщицки переглядываемся. Славка жестом руки показывает «десять» – два раза по пять пальцев. Я молча подмигиваю.

– Во сколько вчера вернулись, барышни? – кричит из коридора папа.

Сегодня вопрос запоздал, обычно он спрашивает об этом, не успев войти домой.

– В десять! – хором отвечаем мы.

Конечно, родители доверяют мне и считают взрослой, созревшей личностью, но всё же незачем им лишний раз волноваться. И так хватает поводов для беспокойств. Например, в следующем месяце мои любимые мама с папой на целый

год улетают в Болгарию. У отца там крутой проект и надёжный компаньон, вместе они будут строить завод на деньги от выигранного в прошлом году тендера. Уже давно папа бредит этим переездом, и я, как всегда, поддерживаю его начинания.

Мама очень счастлива, ей давно хочется сменить обстановку. Любимой работы у неё нет с тех пор, как в ресторане, где она была шеф-поваром, сменился хозяин, а следом и коллектив. Теперь её весенне-летнее хобби – дача, а осенне-зимнее – мы со старшей сестрой. Правда, Вера в прошлом году вышла замуж и переехала к мужу на другой конец города. Теперь мы видимся редко, но я не расстраиваюсь, последнее время у нас не осталось и намёка на дружбу. Конечно, я не виню её и всё понимаю: семейная жизнь, новые интересы и развлечения... Если честно, у нас всегда было мало общего, мы с сестрой словно с разных планет. Как могли у одних родителей получиться такие непохожие дети? А возможно, что дело в разнице возраста – восемь лет как-никак.

Вера настоящая умница, у неё столько достижений и успехов, что мне и не снилось. Сестре без труда давалась учёба, а сейчас её очень ценят и любят на работе. Вера выше и плотнее меня, она выглядит старше своих лет, хотя ей только двадцать восемь. У неё серьёзное лицо, розовые пухлые щёчки смотрятся на нём смешно, а тонкие губы редко можно застать в изгибе улыбки. Я люблю её щёчки, в них прячется особая, знакомая только мне теплота. На фоне сестры

я кажусь щепкой, мои щеки впали от постоянного недосыпания, и глаза выглядят удивительно большими. Губы тоже выделяются, да и, что скрывать, все мальчишки влюбляются в мои губы.

В жизни у нас с сестрой тоже мало общих черт, она серьёзнее, правильнее и всегда имеет план действий. Первой целью сестры стала золотая медаль, которая до сих пор украшает наш книжный шкаф. Потом она решила поступить на экономическое отделение лучшего вуза города, и даже конкурс из двадцати человек на место не стал препятствием. А когда Вера задумалась о замужестве, никто из членов нашей семьи не удивился появлению Олега. Одним словом, Вера – это настоящий пример для подражания. Жаль, что у меня не всё так безоблачно.

Я до сих пор не решила, чего на самом деле хочу, куда пойду работать после университета, чего жду от жизни.

Вера всегда относилась ко мне снисходительно, как к ребёнку, закрывая глаза на мои закидоны. Но в последнее время что-то изменилось, после замужества она стала такой нетерпимой. Пока я ещё не разобралась, в чём причина этих перемен.

Так что уже больше года весь запас маминой любви достанется мне одной. Поэтому я не против, пусть летят, отдохнут от меня, а я – от них. К тому же вся квартира в моём распоряжении, это здорово и заманчиво.

Если честно, я не очень люблю бывать одна, никогда в

жизни в моей голове не возникало желания пожить одной, даже в течение года. Но, с другой стороны, есть и плюсы: бойфренд будет приходить чаще. Конечно, о совместной жизни говорить пока рано... Хотя намёки с его стороны давно стали очевидными.

Погрузившись в мысли, я стою у окна, рассматриваю людей на улице, пока Славка пыхтит за спиной, пытаюсь пристроить большущий пакет на узкую полку.

С десятого этажа люди кажутся маленькими и беспомощными, как насекомые.

Никогда я не любила апрель. Он только называется весной, а на самом деле этот месяц выглядит как осень, один в один. Пробивающаяся через промёрзлую землю первая трава теряется на фоне недотаявших сугробов, серых луж и голых деревьев. Возникает чувство, что вот-вот выпадет снег и по второму кругу все начнут отмечать Новый год.

Славка стоит рядом.

– Паш, о чём задумалась? – спрашивает она.

– Про Веру думаю. Что-то последнее время она совсем как чужая...

– Странная она у тебя. А этот её боров, Олег, ещё хлеще! Взгляд у него, как у маньяка, и глаза маленькие, крысиные.

– Ой, ну прекрати! Вечно ты, не зная человека, говоришь. Он нормальный человек.

– Нормальный – это твой Егор. Кстати, позвони ему, скажи, что мы живы.

– Позже позвоню, пусть зайчик немножко поволнуется.

Вспомнив про Егора, начинаю улыбаться, а на душе теплеет. Своим вниманием и заботой он делает каждый мой день немного прекраснее.

– Зайчик... котёночек... птенчик... Фу-фу-фу! Мы ведь не в зоопарке? – Славка закатывает глаза и фыркает, демонстрируя отвращение.

– А что тебе не нравится? Как хочу, так и называю! Ишь ты, знаток отношений! Ещё учить меня будешь!

– Терпеть не могу эти звериные сравнения, зачем тогда нужно имя, скажи, пожалуйста? Что может быть приятнее, чем называть человека по имени!

Словно в подтверждение Славкиных слов из кухни доносится мамин голос:

– Девчонки! Слава, Павла! За стол.

Улыбаясь, подруга игриво задирает нос вверх.

– Ну ладно, твоя взяла! – недовольно скривившись, я показываю ей язык и выталкиваю задаваку с балкона.

По дороге на кухню Славка заводит свою старую песню:

– Я не голодна, дома позавтракаю, это неудобно...

Но мама строго на неё смотрит и жестом приказывает сесть. Когда только она успела накрыть на стол? Волшебница в обличье мамы.

Славка садится, опустив глаза. На самом деле подруга очень любит покушать, особенно то, что готовит моя мама, в каждом её блюде чувствуется рука мастера!

Папа уже жуёт бутерброд с копчёной и варёной колбасой на тоненьком кусочке хлеба. Я отыскиваю четвёртый стул и тоже усаживаюсь за стол.

Люблю смотреть, как Славка ест. Её аппетиту, как и фигуре, можно только позавидовать. Она не считает калории и не следит за временем суток, лопает всё, что захочет, не прибавляя в талии.

С наслаждением уплетая мамины гренки один за другим, подруга поднимает глаза на висящие над столом часы и нервно подпрыгивает.

– Ой, уже почти обед! Мне правда нужно бежать! Извините, спасибо большое, очень вкусно...

Выпрыгнув из-за стола, она бежит в мою комнату переодеваться. Я не торопясь доедаю одинокий гренок из её тарелки.

Кажется, вчера Славка говорила про какую-то не то встречу, не то свидание. Плохо помню. Всё этот виски с колой. Но если я всё правильно поняла, моя любимая подруга заинтересовалась парнем. Видимо, он чертовски умён и интересен или красив, как Аполлон! Потому что ради абы кого она никогда не бросила бы недоеденным мамин гренок.

Конечно, потом Славка расскажет обо всём в подробностях. Отхлёбывая горячий кофе из чашки, я стараюсь усмирить любопытство. Если бы родители вернулись не так рано, я бросилась бы к подруге с расспросами прямо сейчас, но мама не любит, когда кто-то из членов семьи прерывает

трапезу. Это наш особый ритуал, редкий момент единения и близости.

Из комнаты доносится громкий «бабах»! Мама с папой, оторвавшись от тарелок, вытягивают шеи.

– Со мной всё хорошо! – кричит Славка.

Да уж, падать на ровном месте – это её фишка. Подруга обладает очаровательной неуклюжестью, которая добавляет её образу особого шарма... а ещё ссадин и синяков.

Со Славкой мы знакомы целую вечность, учились в одной параллели. Она долго была нескладным ребёнком. Высокая, нелепая, с длинными руками и ногами. Да и необычное имя давало о себе знать – обидные прозвища придумывали нам обеим, но я всегда могла дать отпор, а она нет.

Как-то раз одноклассники закатали в её волосы жвачку и довели до слез так сильно, что подруга три дня пропускала занятия в школе, пока на одной из перемен я не зашла в её класс и, вцепившись ногтями главному обидчику в ухо, силой заставила его позвонить и вымолить прощение.

Одним словом, Славка с трудом находила общий язык с одноклассниками, я брала её к себе под крыло. После уроков мы вместе гуляли, на переменах болтали и днями напролёт пропадали в гостях друг у дружки. Вот только смотрелись мы забавно. Я – всегда ловкая, как обезьянка, с карими глазами и светло-русыми волосами – любила деревья, заборы и турники. Славка же имела тёмные непослушные кудри, из которых невозможно было собрать приличную причёску, и могла

упасть, запутавшись в собственных ногах. Поэтому, пока я играла в футбол с мальчишками за школой, подруга сидела поодаль, читая книгу или учебник.

Сначала ребята, посмеиваясь, говорили: «Паш, ну что ты везде с собой таскаешь эту доходягу, пусть она дома зубрит свой букварь». Но годы шли. Славка оформилась как девушка и начала производить совсем другое впечатление. В старших классах эти же ребята подбегали ко мне на переменах со словами: «Ну что, вечером за школой? А ты возьмишь подругу? Обязательно возьми, пусть посмотрит, как мы мяч гоняем...»

– Паш, закрой дверь! – крикнула из коридора Славка.

Так быстро переоделась, значит, действительно спешит.

Выпустив чашку из рук, я не торопясь подплываю к двери.

– Ну что ты как муха сонная, шевели ногами! – торопит она, застёгивая свою красивую тёмную куртку на верхние пуговицы, оборачивая вокруг шеи не по сезону яркий шарф и проверяя содержимое сумки.

– Так, ключи, телефон, пудра...

Я подхожу ближе и, приобняв её за талию, спрашиваю:

– Кто он?

Славка поднимает на меня сияющие глаза и подносит палец к губам, кивая в сторону кухни, словно родителям больше нечем заняться, кроме как слушать наши разговоры.

– Ну скажи! Хотя бы намекни! Я его знаю? – понизив тон,

я пытаюсь разгадать, что за принц появился на её горизонте.

– Потом расскажу. Он самый лучший!

Спешно надев сапоги на высоком каблуке, подруга чмокает меня в щеку, кричит родителям «до свидания» и хлопает дверью прямо перед моим носом.

Ничего не понимаю, её просто не узнать! И ещё не понимаю, как можно всегда ходить на таких каблуках, ноги же устают.

– Быстро она сбежала! – говорит папа и откусывает от бутерброда.

Мама толкает его локтем в бок.

– Ты не забыл, что на ужин мы ждём Веру с Олегом? Нужно сходить в магазин за бутылочкой хорошего вина.

Папа удивлённо хмыкает и, нахмурившись, отодвигает бутерброд в сторону.

– Зачем переводить хорошее вино? Наша дочь уже отвыкла от него, а зять никогда не привыкал... – говорит отец, нервно постукивая чайной ложечкой по краю тарелки.

Мама адресует ему сердитый взгляд и, с серьёзным видом поднявшись из-за стола, упирает руки «в боки». Её строгий вид веселит нас обоих, и мама, прекрасно зная это, продолжает грозно, сверху вниз, наблюдать за папиной реакцией. Я сдерживаю улыбку, у всех семьи как семьи, а у меня – настоящий театр.

Улыбнувшись, папа снова берет хлеб с двумя кусками колбасы.

– Ой, Пашка, это же поза кастрюльки! Сейчас наша мама закипит, бежим скорее!

Мы переглядываемся и, смеясь, начинаем быстро-быстро топтать ногами под столом, словно пытаюсь убежать сидя на стуле. Мама тоже смеётся и качает головой. Отец умеет поднять нам настроение.

Значит, вечером у нас будут гости. Я давно не видела сестру, но особой радости от грядущей встречи не испытываю и в душе очень ругаю себя за это. Не знаю, почему наши отношения с ней так изменились за последний год. Вера постоянно серьёзна и сдержанна, не могу вспомнить, когда в последний раз мы вместе смеялись или болтали по душам. Все мои попытки сближения строгим тоном сестры обрубаются на корню. Да и Олега она вечно таскает с собой, а при нём, ясное дело, душевного разговора не выйдет.

Мама в восторге от Вериного мужа, и неудивительно, он этакий дамский угодник, несмотря на грубую внешность, всегда подаст пальто, откроет двери, восхитится ароматом духов, сделает комплимент. Иногда даже слишком старается.

Папа нормально общается с Олегом, но, если честно, не очень-то его любит и считает, что сестра поторопилась с выбором.

На свадьбе папа совсем не радовался, не веселился и не танцевал. Он общался с новыми родственниками, говорил тосты с глубоким смыслом и много пил. Когда после торже-

ства поздно ночью мы вернулись домой, мама отправилась в душ, а папа зашёл ко мне в комнату, сел на край дивана и долго молчал. Я терпеливо ждала.

Когда отец наконец заговорил, в его глазах стояли слезы.

Мы редко беседуем по душам, и тот разговор врезался в мою память. Папа говорил, что много любви и заботы вложил в нас с сестрой и что в родительском доме нас не держат, но и не гонят! Что мы уже выросли и вправе сами делать выбор, но он должен быть осознанным. Папа долго говорил о ценностях, о родительской любви, о том, что для нас он хочет счастья как ни для кого другого. Потом папа подсел поближе, взял меня за руки и попросил никогда не торопиться с замужеством. Искать своё счастье до тех пор, пока не буду уверена, что это Он. Затем, крепко обняв меня, папа вышел из комнаты и закрыл дверь.

Тяжёлая недосказанность осталась между мной и отцом, но больше мы никогда не возвращались к этому разговору.

* * *

Какой роскошный цвет, такой насыщенно бордовый, очень красиво смотрится. Я аккуратно, не торопясь, покрываю ноготь за ногтем вызывающе-яркого цвета лаком. В телефонной трубке Егор расспрашивает меня о наших ночных похождениях. Руки заняты, телефон неудобно прижат плечом к уху. Но мой бойфренд очень дотошный и не отстанет,

пока не выведает у меня все подробности.

– И что? Этот парень не приставал к тебе? – спрашивает Егор подозрительным тоном.

– Говорю же – нет, с ним вообще Славка танцевала, и подвезти нас она попросила, – вру, не краснея, но ведь я не могу сказать, что вчера расслабилась настолько, что почти ничего не помню.

– Понятно, а почему трубку не брала, я весь вечер звонил, сам хотел приехать, чтобы вас забрать. И утром, когда проснулась, могла бы дать знать, что всё хорошо. Уже три дня не виделись, я скоро тебя украду.

– Ну, милый, не ругайся, вчера не слышала, сегодня что-то замоталась с самого утра, лекции переписывала, с уборкой маме помогла, а сейчас жду Веру с мужем.

Остался последний пальчик. Медленно провожу кисточкой от основания до края ногтя, про себя считаю до пяти и провожу ещё один раз. Трубка выскальзывает всё сильнее и вот-вот грохнется на стол.

– Вся в делах... – вздыхает Егор.

Не будь он таким дотошным, я перезвонила бы чуть позже – сегодня вечером. Или завтра с утра... или в обед, крайний срок – в обед! Но Егору приспичило поговорить со мной именно сейчас, и, стараясь не уронить телефон, я продолжаю отвечать на его вопросы.

Из коридора доносится дверной звонок.

– Ну всё, милый, я побежала! – стараясь не испортить

только что покрашенные ногти, я быстро закручиваю флакон с лаком и бросаю его в косметичку.

– Подожди, а на завтра у тебя какие планы? – взволнованно спрашивает Егор, не желая отпускать меня.

– Ещё не знаю, потом обсудим, хорошо?

– Скажи сейчас!

– Позже, милый, сестра уже приехала!

– Может быть, билеты в кино взять? Или...

– Потом, всё потом!

– Хорошо, беги, целую, скоро увидимся, – смирившись, он наконец кладёт трубку.

Тут же бросаю телефон на стол и выскакиваю в прихожую. Мама с папой уже обнимают сестру и приветствуют Олега. Вера, как всегда, встречает меня с серьёзным выражением лица и строгим видом. Холодный взгляд заставляет теряться в догадках об истинном настроении. Наверное, опять поругалась с Олегом, или запарилась на работе, или ещё бог знает что может её тревожить!

Сделав шаг навстречу, Вера легонько обнимает меня, приветствуя, и еле касается щеки губами. Я улавливаю знакомый аромат духов и в ответ сжимаю её обеими руками. Вера упирается ладонями мне в плечи, но я, не отступая, со всей силы чмокаю её прямо в ухо. Сморщившись, сестра недовольно фыркает.

– Пашка, оглушишь сестру! – мама делает замечание. Взяв меня за локоть, притягивает к себе и добавляет еле слыш-

но: – Быстро переоденься!

– Ну, мам, мне и так удобно!

– Быстро, я сказала! Разве можно в таком виде встречать гостей?!

И толкнув меня в сторону комнаты, она тут же подхватывает разговор папы с Олегом о том, что цены на бензин без конца растут и вообще в наше время машина становится дорогим удовольствием.

– Тоже мне, великие гости! – бурчу под нос, закрывая дверь в комнату. – Ещё наряжаться для них! Я вообще-то у себя дома! – повернувшись лицом к зеркалу, рассматриваю себя. – Ну, и что не так?

На мне домашний костюм, серые шорты пижамного типа и облегающая майка без лямок, держится она на груди, может быть, мама это имела в виду? Достая из шкафа чёрный лифчик и чёрную футболку а-ля хеви-метал. При желании в эту футболку можно завернуть троих меня. При искусственном свете волосы кажутся ещё светлее, чем обычно, – будет контраст. Маме такой прикид тоже придётся не по вкусу, ну и ладно. Нечего учить меня, как одеваться в собственном доме!

В самой просторной комнате нашей квартиры отец поставил большой стол, предназначенный для праздников и юбилеев. Его мы накрываем, когда приходят важные и желанные гости. Но последнее время сестра навещается так редко, что её смело можно отнести к VIP-персонам. За столом ма-

ма расспрашивает Веру – собираются ли они заводить детей, говорит, что обо всём хочет знать первой и, если вдруг Вера обнаружит, что ждёт ребёнка, пусть даже не думает скрывать и шифроваться!

Папа наливает всем ещё по бокалу вина, интересуется работой Олега, спрашивает, не собирается ли он менять место на более прибыльное, говорит, что быть простым охранником, когда тебе за тридцать, – это не уровень.

Так проходит около часа, и нить разговора плавно подбирается ко мне. Как же я не люблю эти семейные беседы. Внутри всё сжимается и хочется провалиться сквозь землю. Каждый раз, обсуждая с родителями собственную жизнь, я осознаю, что к двадцати годам мало что собой представляю, неправильно живу, не того хочу... Да и вообще, на фоне безупречной работы и идеальной семейной жизни Веры мои успехи всегда были довольно сомнительными.

Излюбленная тема для разговора – это учёба в университете. Нужны немалые усилия, чтобы убедить семью в том, что все экзамены будут сданы, курсовые защищены, а знания отложатся в голове и обязательно пригодятся в жизни.

После получасовых рассказов о том, как прекрасно учатся другие дети у других родителей, аппетит у меня пропадает окончательно. Наверное, эти «другие» не имеют друзей, личной жизни, живут взаперти, а в старости будут очень скучными старикашками, которым нечего рассказать внукам.

– Из клуба-то, наверно, на рогах пришла? Двадцать – это

же юбилей! – Теперь Олег решился на вопрос в мой адрес. Вальяжно развалившись на стуле и жуя салат, он вертит в руке бокал с вином, заставляя напиток двигаться по кругу.

Папа, округлив глаза, впивается в него взглядом. Вера делает вид, что всё хорошо, но её прямая спина и сжатые губы выдают напряжение.

Я на секунду задумываюсь: что привлекло сестру в этом человеке? Высокий, крупный, если не сказать – полный. С короткой, стремящейся к лысине стрижкой и маленькими толстыми пальцами, а в придачу к этому – настоящий хам!

– Я равнодушна к алкоголю, – отвечаю коротко и краем глаза наблюдаю за Верой. Меня она воспитывала по полной! Сказанное не в строчку слово всегда выходило боком. Так почему же сестра не расскажет собственному мужу о рамках приличия?

– Но в клубах-то тебя ведь часто угощают? – продолжает любопытствовать Олег.

– Я редко там бываю, стараюсь больше времени посвящать учёбе...

Он что, допрос решил устроить?! Старательно вывожу беседу в прежнее русло. Давайте лучше про учёбу, я уже не против!

– Готовишься к экзаменам? – Олег пытается сделать вид, что очень заинтересован, но у него это плохо получается.

Мама, порхающая между кухней и залом, наконец приносит последнее блюдо и опускается на стул рядом со мной,

включаясь в разговор.

– Ага, готовится, только гуляет со Славкой! А Славка заочница, ей вообще живётся проще!

Только не это! Самая болезненная тема – моё свободное время.

– А ведь могла бы ходить на факультативы, или на курсы английского, например, или спортом заняться, в тренажёрный зал записаться, в конце концов, – наполняя наши тарелки, мама садится на своего любимого конька.

Больше всего сейчас мне хочется сбежать!

– У нашей дочери отличные способности к языкам, зачем ей курсы, – вмешивается папа, наливая в бокалы вино.

Я смотрю на маму, надеясь, что больше она ничего не захочет добавить к вышесказанному, но тут вступает Вера.

– А как там твой мальчик, этот, ну, как же... Высокий такой, учитель, кажется...

Я закатываю глаза. Сколько можно повторять одно и то же! В этой семье меня никто и никогда не слушает.

– Он тренинг-менеджер, а не учитель! И его зовут Егор!

Неужели ей так трудно выучить имя моего парня!

– Да-да, точно. Я и запомнила, что он кого-то чему-то учит... Как у тебя с ним?

Я не хочу говорить, но требовательный взгляд сестры не даёт мне увильнуть от ответа.

– Всё хорошо, общаемся, узнаём друг друга, ничего интересного, – отмахнувшись дежурной фразой, я беру стакан с

вином и делаю глоток. Резкий вкус охватывает горло и тяжёлым комком скатывается вниз. Поморщившись, отодвигаю бокал. Алкоголиком мне не быть.

– Ну как же ничего! – парирует Вера. – А про будущее не думали? Вы ведь давно встречаетесь, полгода или год. Он уже намекал на что-то большее?

О боже, и что мне ей ответить? Что намекал, но я не уверена, хочу ли этого? Что я вообще мало в чём уверена и не планирую свою жизнь на годы вперёд, как некоторые. Пожалуй, сейчас самое время прикинуться глухой...

Всё ниже склоняясь над тарелкой, я с серьёзным видом ковыряю салат. Но пауза затянулась, и все продолжают в ожидании таращиться на меня. На мгновение вокруг становится так тихо, что я слышу шуршание бегущих стрелок в настенных часах.

Но вдруг, к огромному счастью, в соседней комнате звучит знакомая мелодия мобильного. Моментально выпрямившись, я бросаю вилку на стол. Наверное, это Славка, моя спасительница!

– Ой, телефон! Сейчас, отвечу и вернусь!

Мама неодобрительно качает головой, а я пулей вылетаю из-за стола. За спиной теряется Верин голос:

– Папуль, ну расскажи про Болгарию, где вы будете жить целый год? Там, наверное, совсем другие люди?

Закрываю дверь и беру со стола телефон. На экране фото Егора.

Неужели что-то срочное? Нажимая зелёную кнопку, подношу трубку к уху и ложусь на диван, закинув ноги на его спинку.

– Алло, я же сказала, что перезвоню, мы ужинаем с родителями и сестрой!

Егор – это, конечно, не Славка, но его звонок вытащил меня из-за стола, чему я несказанно рада.

– Можешь спуститься?

Вот так поворот! Голос Егора звучит заговорщицки, и я чувствую улыбку по ту сторону трубки.

– Куда спуститься?! Зачем?!

– Стою под твоими окнами, покушай и спустись, я не топлюсь.

– Это важно?

– Очень!

Как странно. Зачем я понадобилась ему именно сейчас? Голос Егора, как обычно, чувственный и ласковый. Значит, ничего криминального не произошло.

Положив трубку, выглядываю из-за шторы в окно, стараюсь остаться не увиденной. И правда, чёрная «тойота» припаркована напротив подъезда. Впервые он меня так интригует, что-то выдумал, неужели какой-то сюрприз?

За стол возвращаться ужасно не хочется, надеюсь, никто не обидится, если я ненадолго оставлю семью.

– Ко мне приехал Егор, просит спуститься, наверное, что-то важное! – кричу родителям, шагая в коридор.

– Только быстро! – отвечает папа, взяв очередную тарталетку. – Одна нога здесь, другая там.

Они с Верой что-то весело обсуждают, а значит, есть шанс безболезненно ускользнуть.

Я тут же выбегаю в прихожую. Главное – исчезнуть моментально, пока мама не начала перечить папиной доброте. Запрыгиваю в свои любимые низкие ботильоны, накидываю пальто и вылетаю на лестничную площадку.

Кнопка у лифта горит красным светом, кабина занята. Ну, не беда, я люблю пробежаться по лестнице. Девятый... Восьмой... Отголоском сверху доносится хлопок нашей двери, наверное, Олег вышел из квартиры, чтобы выкурить сигарету. Седьмой... Шестой... Пятый... Что же придумал Егор, мы могли бы договориться и встретиться завтра. Четвёртый... Третий...

– Павла, ты куда же с голыми ногами, на улице такой холод! – соседка снизу, старенькая баба Маша, возвращается с прогулки со своей собачкой-дворняжкой.

– Я быстро, баб Маш! Привет, Бобик!

Пробегая мимо, треплю пса за загривок. Второй... Первый...

– Его зовут Бернард! – кричит баба Маша.

Но я уже открываю дверь под протяжный писк домофона и оказываюсь на улице, под дождём.

Лицо Егора кажется загадочно-серьёзным. Я вижу его через стекло автомобиля, но он явно не ждёт меня так быст-

ро и задумчиво что-то набирает на мобильном. Пару минут я остаюсь незамеченной и наслаждаюсь свежим воздухом, прохладным дождём и красивым профилем.

Да. Он красив.

Благородные черты подчёркивают его особый, добрый нрав. Прямой и аккуратный нос делает Егора похожим на небожителя, четко очерченные губы выглядят идеальными, словно это губы голливудского секс-символа, а не моего парня, да и весь его образ кажется волшебной картиной, загадочным и тонким произведением искусства, мечтой художника или скульптора. Он на самом деле очень красив и наверняка нравится не только мне.

Странно, но эта мысль впервые приходит в голову.

– О господи, Паша! И давно ты так стоишь!

Увидев, что я мокну под дождём в распахнутом пальто, под которым одни шорты и футболка, Егор выскакивает из машины и, ловко схватив меня на руки, быстро переносит через лужи и опускает на переднее сиденье. Он тёплый и сильный, на его руках я чувствую себя пушинкой.

Обойдя машину, Егор усаживается с другой стороны, закрывает дверь, делает музыку тише и, наклонившись ко мне, нежно целует.

– Ну рассказывай, что за сюрпризы? – сняв пальто, я небрежно бросаю его назад.

– Никаких сюрпризов, просто не могу поймать тебя уже три дня: универ, подруги, родители, а на меня времени со-

всем нет, – грустно улыбается Егор, заглядывая мне в глаза.

– Есть время на тебя, просто не сегодня. А то бы я обязательно...

– Не сегодня, не вчера и, боюсь, что не завтра, – перебивает он.

Виновато вздохнув, беру его руку, подношу к губам и ласково целую широкую ладонь.

Дождь усиливается, капли с размаху разбиваются о капот. На улице уже совсем темно, во дворе ни души, тусклый свет падает из нескольких окон на первом этаже. Но рядом с Егором так уютно и тепло, что дождь кажется лишь романтическим атрибутом нашей встречи.

Мерзкая погода может оказаться очень приятной, когда сидишь в теплом авто рядом с дорогим человеком.

Егор долго смотрит на меня серьёзным и задумчивым взглядом, не могу прочесть в его глазах ничего, кроме нежности.

Затем он прижимает меня к себе. Рядом с ним очень спокойно. Кажется, что можно просидеть так целую вечность.

– Вкусно пахнешь...

Он медленно проводит рукой по волосам, щеке, шее и останавливается, положив ладонь на плечо.

– Ты выманил меня из дома, чтобы понюхать? – Я игриво поднимаю, а затем опускаю плечо, сбросив его руку.

Его губы вздрагивают в улыбке.

– Опять играешь со мной? – тихо спрашивает Егор, потя-

нувшись к моим губам.

– Что ты, какие игры? – Ловко увернувшись, отклоняюсь назад так, чтобы он не смог дотянуться. – Если у тебя нет ничего важного, я, пожалуй, пойду домой, – нарочито строго говорю я и жду: вот сейчас он обнимет меня ещё крепче и попросит остаться.

– Я давно хочу с тобой поговорить, но никак не могу набраться смелости, – говорит Егор, и я понимаю – игры кончились.

Егор прекращает попытки поцелуев. От его серьёзного тона по телу пробегают мурашки. Конечно, я догадываюсь, к чему приведёт этот разговор, и боюсь, что увилить больше не получится.

Да, мы встречаемся достаточно долго, чтобы испытывать тёплые и искренние чувства. Но зачем торопиться? Ведь я и так никуда не денусь, а уж Егор – тем более! Всему своё время! И сейчас, мне кажется, что время ещё не пришло, но Егор считает иначе, а значит, я должна считаться с его мнением.

Тревожные мысли и сомнения уже давно не дают мне покоя, но в любом случае Егор самый лучший и достойный парень из всех мне известных. Он умён, добр и, кажется, очень любит меня.

– Я тебя слушаю, – прижимаюсь крепче и говорю шёпотом.

– Слушаешь, значит? Хорошо. – Егор делает глубокий

вдох. – Паш! Твоя сестра давно живёт своей жизнью, а родители скоро переберутся в другую страну...

Его голос сбивается, а через рубашку я слышу, как сердце начинает биться сильнее.

– Так вот. Год – это долго. И кто знает, вдруг в Болгарии им понравится больше, чем здесь?

На секунду я представляю новую для себя картину: папа после трудового дня возвращается в просторную квартиру, из окон которой виден закат над Черноморским побережьем. Неслышно разувается и, подкравшись на цыпочках к колдующей у плиты маме, нежно обнимает её загорелые плечи. Папа влюблён и восхищён, яркое платье делает маму ещё прекраснее, в нашей стране такие носят только три месяца в году... Отец, улыбаясь, заглядывает ей в глаза и напоминает, что год, отведённый на запуск проекта, подходит к концу и нужно определиться с выбором места жительства. Мама отвечает ему многозначительным взглядом и говорит, что своё место она уже нашла.

– А я не хочу, чтобы ты жила одна, даже один день, а уж тем более целый год! – продолжает Егор, его голос возвращает меня на землю, и картинка исчезает.

Почему я прежде не думала, что родители могут остаться насовсем в другой стране?! И не просто «другой», а тёплой, дружелюбной, солнечной и красивой! Мысли Егора всегда на шаг впереди моих! Это завораживает...

Егор делает паузу, и пока его грудь наполняется воздухом

от нового глубокого вдоха, проходит несколько секунд тишины.

– Паш, переезжай ко мне! Я буду заботиться о тебе! По утрам буду отвозить в универ, по вечерам забирать. На выходных занимайтесь со Славкой чем хотите – в разумных, конечно, пределах. Дома мы сделаем перестановку так, чтобы тебе нравилось и было удобно. Готовить ты не очень любишь, так что можем делать это вместе, заказывать или ходить в кафе. А со временем, если тебе понравится... – он понижает тон. – Ну, когда-то же нужно...

Я крепче сжимаю его руку, обрывая волнительную речь, на секунду отстраняюсь, упираюсь коленом о сиденье авто и, оттолкнувшись, в одно движение запрыгиваю к нему на колени. Он любит, когда я сижу вот так, спиной к рулю.

Несколько минут мы смотрим в глаза друг другу, пытаюсь увидеть что-то новое. Что-то, чего не было до этого разговора.

– Ты такая красивая, Павла, – Егор говорит тихо, словно боясь нарушить появившееся равновесие и спугнуть меня.

Наклонившись к его лицу, я нежно касаюсь тёплых губ.

– Хорошо. Будем жить вместе. Я не против.

Точки расставлены, тяжёлый камень свалился с плеч Егора, он улыбается глазами и, запустив руку мне в волосы, жадно целует.

– Моя любимая девочка, я знал, что ты согласишься.

Целуется он бесподобно, страстно и сладко, так, что мне

хочется полностью в нём раствориться. Но я перепрыгиваю обратно, на соседнее сиденье.

– Меня ждут дома!

Егор влюблённо смотрит на меня. Его глаза сверкают, как искры разгоревшегося костра.

– Прости, правда ждут! – добавляю я, извиняясь.

Грустно улыбнувшись, он понимающе кивает.

– Да, конечно. Счастлив, что ты нашла для меня время.

«Нашла время»! Сам застал меня врасплох, выманил из дома и сделал предложение, от которого трудно отказаться.

– Дай, пожалуйста, пальто.

Загадочно улыбнувшись, Егор тянется назад.

– Вот пальто... А вот... и сюрприз!

И на мои колени опускается здоровенный букет роз. Ярко-алые, с огромными бутонами... потрясающие!

– Обалдеть! – ахнув, я восторженно смотрю на букет.

Он широко улыбается, всматриваясь в моё счастливое, растерянное лицо, и галантно целует руку.

– Мадам, я очень рад, что на моё предложение вы ответили согласием.

В ответ я обнимаю его что есть силы и, прижимая к себе букет, выскакиваю из машины. Дождь закончился, и кажется, что мерзкий апрель стал чуть-чуть теплее.

– До завтра! – кричит Егор, отрыв окно.

– До завтра! – отвечаю я, забегаю в подъезд.

Потухшая кнопка вызова лифта сообщает, что кабина

свободна. От лёгкого нажатия двери приветливо распахиваются. На стене нашего лифта расположилось здоровенное зеркало, и я не сразу узнаю в нём растрёпанную девушку с букетом. Сколько же здесь цветов? Эта охапка в объёме почти как моя талия, даже держать тяжело.

Нажимаю цифру десять, она в ответ радостно загорается бледно-зелёным светом, и кабина, дрогнув, начинает движение вверх. Интересно, как изменится жизнь, если я по-настоящему свяжу её с Егором? Каково это: каждый день видеть одно и то же лицо, засыпать и просыпаться с одним и тем же человеком? Знать его со всех сторон, каждую мелочь и привычку, принимать вместе с недостатками и причудами? Да и мне самой придётся открыться, стать ближе и впустить его в своё сердце, в свои мысли, в каждый свой день.

Нет, не могу представить! Фантазия отказывается рисовать картину нашей совместной жизни, видимо, придётся идти опытным путём.

А как быть, если закончатся темы для разговоров? Или если я заболею и буду лежать, завёрнутая в одеяло, с красным лицом и зелёными соплями? Он будет любить меня так же? А цветы со временем перестанет дарить? Я не хочу, чтобы перестал!

Цветы. Взгляд опять падает на букет. Обнимаю его двумя руками и, уткнувшись лицом в розы, делаю глубокий вдох. Аромат просто сумасшедший, такой, что на секунду закружилась голова.

Качнувшись, кабина останавливается, и лифт открывается. Я прихожу в себя и убираю цветы от лица. Наша дверь закрыта, на площадке, прислонившись спиной к стене, стоит Олег с сигаретой во рту. Он что, был здесь всё это время?

– Красивые цветы для красивой девушки, – увидев меня, произносит он сквозь зубы.

– Мне тоже понравились, – отвечаю, сморщившись от запаха табака. – Открой, пожалуйста, дверь, я оставила ключи дома.

– Конечно, оставила! Убежала как марафонец. Так торопилась к своему ненаглядному... учителю! – говорит Олег, словно выдавливая из себя последнее слово.

Ну вот, опять! Егор тренинг-менеджер. Почему так сложно запомнить?

Я недовольно цокаю, но Олег не обращает на это внимания, продолжая пускать кольца дыма. Хорошо, пусть будет учитель, объяснять ему что-либо нет никакого желания.

Голова снова кружится, но на этот раз от сигаретного дыма. Бедная Вера! О каких детях говорит мама, если этот шкаф дымит как паровоз?

– Да, торопилась! – от нетерпения начинаю нервно топтать ногой по бетонному полу. – Он сегодня без предупреждения нагрязнул. Слушай, здесь так дымно, открывай скорее.

Вера не любит долгие застолья и наверняка вот-вот начнёт собираться домой, а я ещё хочу пообщаться с ней.

Олег тушит сигарету и бросает её в проем между лестни-

цами, я еле сдерживаюсь от замечания! У нас очень чистый подъезд. Но этого человека уже поздно менять и переучивать. Хорошо, что не бросил окурок нам под дверь.

Не двигаясь, Олег провожает взглядом серую полосу дыма, улетающую следом за сигаретой.

– Не торопись ты... Они там и без нас прекрасно общаются. Постой здесь, поговори со мной.

Он отходит от стены и делает шаг в мою сторону.

Неожиданно для себя я отступаю к дверям лифта. Недобрая мысль залетает в голову, но тут же покидает её – это же Олег! Верин Олег! Он часть нашей семьи и не обидит меня...

– И что, тебе правда нравится этот парень? – он говорит, понизив голос, и смотрит... странно.

Сегодня он решил доконать меня своими неуместными вопросами! Никого чувства такта, что за человек!

– Да. Нравится. Конечно, – отвечаю быстро, чеканя каждое слово.

Но что-то определённо не так. Да и какое ему дело до Егора?

Наверное, у меня сейчас очень растерянный вид. Поймав мой взгляд, Олег удивлённо поднимает бровь.

– Ты что, испугалась? Не бойся, мы же родственники, – он снова говорит обычным, дружелюбным тоном. – Давай пообщаемся, поговорим по душам, при твоей сестре хорошего разговора никогда не выйдет.

Я так не думаю. Вера интересный собеседник, и её компа-

ния сейчас пришлась бы очень кстати. Да и о чём нам с ним беседовать с глазу на глаз?

Но, глядя на Олега, я вдруг понимаю, что в эту минуту не я решаю, о чём мы будем говорить. Выходит, он заскучал от семейных бесед и решил подоставать меня?

Взглянув на Олега снова, я чувствую, как острый укол страха впивается мне прямо в горло. Сама не понимая, чего боюсь, перебираю варианты глупых тем, типа погоды или работы. Но на ум не приходит ничего, и я стою, не издавая ни звука.

Заметив мою робость, Олег, хитро улыбнувшись, делает ещё шаг в мою сторону, и мне становится всё труднее бороться с одолевающей паникой. Вжавшись в закрытые двери лифта, я не могу пошевелиться и сжимаюсь, как провинившийся щенок.

Он подходит ещё ближе, теперь между нами только огромный букет цветов. Впервые вижу его широкое лицо вблизи, круглые щеки лишь немного сужаются к подбородку, плохая кожа покрыта точками чёрного цвета, а от середины скулы к шее спускается глубокий неровный шрам.

Он проводит по нему рукой.

– Настоящего мужика украшают шрамы. Этот я получит в драке. Мы были вдвоём с другом против шестерых ребят. Нравится?

Гордо приподняв подбородок, он водит рукой по короткой шее, демонстрируя свой изъян. Это выглядит отвратительно.

– А у твоего парня есть шрамы? – понизив голос, спрашивает Олег.

Я смотрю на спасительную дверь в нашу квартиру, но Олег, навалившись на стену слева от меня, отрезает путь к входной двери. Вздвогнув, я ловлю себя на неприятной мысли – он смотрит на меня, как на женщину! Где же Вера? Почему она до сих пор не потеряла своего мужа!

За дверью слышу громкий папин смех, похоже, они и правда веселятся, забыв о нас.

Олег стоит так близко, что в нос бьёт резкий парфюм впоремешку с запахом табака. Вонь заставляет меня съёжиться и ещё сильнее вжаться в дверь лифта.

Не в силах смотреть на это лицо, я опускаю глаза в пол. Макушкой чувствую, что Олег наклонился надо мной и смотрит сверху вниз. Он намного выше меня, моя голова находится на уровне его плеч. Мне становится ещё страшней. Нужно ответить на вопрос.

– Нет, у Егора нет шрамов, – голос дрожит как лист.

– Значит, и мужик он так себе. Это я тебе точно говорю. И в постели, наверное, не очень, да? Ты ведь спишь с ним, правда?

В эту секунду второй рукой Олег опирается о стену с другой стороны, заблокировав меня своим телом.

Да что здесь вообще происходит?! Бедное сердце бьётся так, что вот-вот выскочит из груди. Что ему, чёрт подери, от меня надо! Наверное, выпил лишнего, а теперь дворовые за-

машки и плохое воспитание дают о себе знать. Только при чём здесь я?! Почему он так отвратительно себя ведёт! Я же так хорошо помню их с Верой свадьбу, как нежно она смотрела на Олега и как крепко он целовал её под крики «Горько!»... Нет, нет! Так притворяться просто невозможно.

«Спокойно, Павла, – мысленно успокаиваю себя. – Нужно что-нибудь ему ответить и как ни в чём не бывало пойти домой».

– Меня всё устраивает! – говорю, не поднимая глаз, стараясь не вдыхать мерзкий воздух и продолжая изучать бетонный пол.

Олега передёргивает, и он нагибается, не убирая рук. Так, чтобы видеть моё лицо.

– Устраивает её! Ты же только созрела, с чем тебе сравнивать? Не с чем! Тебе нужно попробовать настоящего, опытного мужика. На следующий же день отправишь своего сосунка подальше!

Каждое слово стучит у меня в висках. Он говорит тихо, но с такой силой, что скованные страхом мысли замирают в голове, а когда смысл сказанного наконец доходит до сознания, я с ужасом понимаю, что не имею ни малейшего представления о том, что он собирается делать.

– Отпусти, пожалуйста, – с трудом заставляю себя произнести эти два слова.

Олег продолжает смотреть на меня в упор, но я всё ещё не в силах поднять глаза.

– Так я тебя не держу!

Он намеренно разводит руки в разные стороны, демонстрируя мою «свободу», и в эту же секунду опять наваливается на стену.

– Ручки-то, вот они! Что же ты боишься? Вон как вся зажалась.

В следующий миг Олег проводит горячими пальцами по моей спине, оттесняя от закрытых дверей лифта, второй рукой отодвигает в сторону разделяющий нас букет и опускает ладонь мне на талию. Теперь я стою, выпрямившись как солдат, совсем рядом с мужем моей сестры. Так близко, что моя грудь через футболку касается его живота.

– Если бы я делал вот так... – шёпотом произносит он прямо мне в ухо, притянув к себе ещё сильнее и медленно опуская руку с талии на бёдра, – тогда другое дело.

Дыхание тут же перехватывает – он лапает меня! Возмущение мощным взрывом наполняет тело изнутри, но выплёскивается наружу только ярким румянцем. Сердце бешено колотится, меня охватывает дикая паника, но вместо того, чтобы хотя бы попытаться остановить его, я лишь съёживаюсь и замираю.

Дав волю рукам, Олег прижимает меня так крепко, что вместе с воздухом я вдыхаю настоящий запах его тела. Отвратительный, едкий, смешанный с дымом сигарет. В висках стучит. Что ему нужно?! Чего он добивается? Не решил же он изнасиловать меня под дверью родительского дома?!

В этот момент мозг включается и начинает работать. Да ведь это же мой дом! Мой родной подъезд. Моя территория!

– Ты чего хочешь? – осмелившись, я наконец поднимаю взгляд.

Маленькие глазки на большом лице радостно вспыхивают, и рот искажается в кривой улыбке.

– Вот умница, всё-таки догадалась!

Олег делает длинную паузу, перебирая пряди моих волос и словно подбирая правильные слова.

– Знаешь, Павла, мы с твоей сестрой давно вместе, до свадьбы долго встречались, и с тобой не первый год знакомы. Ты тогда была совсем ребёнком. Но сейчас... – он отстраняется, изучающе смотрит на меня и продолжает: – Сейчас другое дело! Я всегда хотел сорвать такой цветок. И маленькие недоразумения, такие как моя жена и твой парень, не должны нам помешать. Ты ведь совсем не то, что она. Ты живая, энергичная, сексуальная.

Снова наклонившись, Олег зарывается носом мне в волосы. Скованная страхом, я чувствую его неровное дыхание.

– Скоро твои родители улетят, и я хотел бы приходить к тебе в гости. Иногда. На чай. Будешь одевать для меня свои эротичные маечки, типа той, в которой ты была сегодня, когда мы вошли, – он говорит шёпотом, медленно и самозабвенно, как настоящий актёр.

Кажется, этот текст был приготовлен заранее, а мне, видимо, предназначена роль благодарного зрителя.

Но здесь он просчитался, вместо интереса я испытываю настоящий ужас!

– У нас будет роман, как в книжках пишут, – продолжает он свою речь, – только не спеши отказываться, ты ведь не знаешь меня, не знаешь, какое я могу доставить тебе удовольствие! Поверь, твоя сестра кричит от восторга каждую ночь. Только подумай, взрослый и умелый любовник, это же мечта любой девчонки. Потом будешь хвастаться подружкам. Я научу тебя таким вещам, о которых ты даже думать не смела, буду нежным или грубым, каким захочешь. Буду ласкать каждый кусочек твоего прекрасного тела, так, чтобы ты билась в экстазе.

Последняя фраза добивает меня окончательно. Я стою в полном оцепенении и не могу даже закричать. Перед глазами всё плывёт, накатывает приступ тошноты. Это происходит как будто не со мной, я словно наблюдаю со стороны за маленькой испуганной девочкой, дрожащей в мужских руках на пороге собственного дома. Нужно решиться и что-то сделать, нужно поставить на место этого выродка!

Собравшись с духом, я со всей силы толкаю его в сторону и бросаюсь к двери. Букет падает на бетонный пол.

Сил у меня не так много, но от неожиданности Олег отшатывается в сторону.

Я набираю воздух в лёгкие в готовности заорать что есть мочи. Но тут, опомнившись, он хватается за меня и с силой дёргает к себе, зажав рукой рот. Вместо крика изнутри выры-

вається хриплий стон, ноги підкашиваються і, не сумев удержатися, я падаю, не дотянувшись до дверного звонка.

Больно сдавив запястья, Олег волоком стаскивает меня на один лестничный пролёт вниз.

– Ты что, совсем дура, да? – с силой прижав меня к стене, он говорит голосом, полным ярости. – Тебя спрашиваю! Совсем без мозгов?

Кажде его движение быстрое и точное, у меня нет ни одного шанса. Всё тело застыло, от страха боюсь даже думать о том, чтобы снова попробовать сопротивляться, прокуренная, потная ладонь, сдавившая лицо, не даёт нормально дышать, в глазах темнеет, а Олег продолжает сверлить меня глазами, но его ярость быстро сменяется другим состоянием. Кажется, моё бессилие веселит его или... даже...

Больно дёрнув за волосы, он поворачивает моё лицо к себе и наклоняется ближе.

Боже, нет! Злись! Злись, но не смей трогать меня! Не смей даже думать об этом! От боли не могу сдержать стон, и Олег ещё крепче зажимает мне рот.

– Я же по-хорошему с тобой, понимаешь?

Его глаза сверкают, а со лба стекают капли пота. Он медленно убирает руку ото рта и похотливо смотрит на меня, словно ожидая, что вот в эту секунду я приму его правила игры.

Но нет!

– Я всё расскажу родителям и Вере! – говорю, пересилив

страх.

– Нет, ну ты точно дура! Твои предки столько времени готовятся к переезду, а ты всё это перечеркнёшь? А Вера вообще никогда тебе не доверяла, её-то я сумею убедить, что ты строила мне глазки с первого дня знакомства.

Я молча смотрю в наглое лицо.

Олег уже отпустил мои руки, но ужасное чувство бессилия не даёт пошевелиться, кажется, внутри меня что-то надломилось.

– В общем, так – я всё тебе сказал, дальше думай сама. Советую согласиться.

– Ты мне угрожаешь? – от бессилия и обиды на глаза наворачиваются слезы.

– Да что ты! Нет, конечно... Детективов, что ли, насмотрелась?

Нахально улыбнувшись, он с притворно заботливым видом поправляет моё пальто, затем Олег делает шаг назад, и на его лице появляется хорошо знакомое мне «обычное» выражение.

От злости и похоти не осталось и следа! Если сейчас на площадку выйдет соседка, то увидит перед собой серьёзного, спокойного мужчину и непонятно почему зарёванную девочку.

Чертов двуличный подонок!

– Я тебя не боюсь! – еле сдерживаюсь, чтобы не разреветься сильнее.

Ухмыльнувшись, он бесстыдно осматривает меня с ног до головы масляным взглядом.

– Меня не нужно бояться, скоро я стану твоим самым близким другом, – понизив голос, говорит он.

– Этого не будет! – вытирая слезы, отвечаю я.

– Посмотрим. Ты днями и ночами будешь одна. – Олег многозначительно поднимает бровь. – Мало ли что?

Молча проглатываю новый комок обиды, и мужчина, отойдя в сторону, жестом пропускает меня вперёд по лестнице. Наконец-то!

Но нет, даже сейчас я не могу очертя голову броситься домой, не могу рассказать об этих страшных минутах сестре, не могу оставить Олега за спиной, не могу заорать и послать его к черту...

Сдерживая вновь подступающие слёзы, жду, пока он сделает первый шаг. Понимая, что мой страх велик, ухмыльнувшись, Олег уверенно ступает на лестницу.

Оттолкнувшись от стены, я следую за ним, выдерживая дистанцию.

Стараюсь двигаться быстрее, но не могу и шагаю с трудом. Ватные ноги предательски заплетаются, несколько раз я спотыкаюсь о ступеньки и трясущимися руками хватаюсь за перила, чтобы не упасть.

На площадке он достаёт ключи, поднимает с пола помятый букет и, смахнув с него несуществующие пылинки, с язвительной улыбкой протягивает цветы мне.

Дома всё спокойно. За столом по-прежнему идёт весёлый разговор, папа рассказывает сестре, как в прошлом месяце хотел сбежать с дачи, а мама припарковала автомобиль на другой улице так, чтобы он не смог его найти. Все смеются, папа поднимается, чтобы налить ещё вина, и замечает охапку роз в моих руках.

– Вау! Павла, вот это букет! Егор приезжал, только чтобы подарить тебе цветы?

Рассказать о случившемся – значит испортить вечер всей компании, а в придачу оставить родителей без долгожданного переезда. Но как же Вера?! Поговорить с ней, сейчас?

Хотя проблемы в семье сестры уж точно не должны касаться наших родителей. Да и Олег – хитрый и подлый! Он наверняка уже подготовил доводы, чтобы оставить меня крайней.

Собрав все силы, улыбаюсь в ответ отцу.

– Да, – отвечаю, но мой голос звучит очень тихо и подавленно.

Мама оборачивается, мой помятый вид заставляет ее недоуменно приподнять брови, а следом за ней и сестра пронзает меня подозрительным взглядом.

Пока Олег возвращается за стол, а я дрожащими руками снимаю туфли, мы с Верой несколько раз переглядываемся.

– Что с тобой, родная? – мама встаёт из-за стола и, пройдя в коридор, обеспокоенно осматривает меня. Через её плечо

я вижу, что Олег как ни в чём не бывало обнимает сестру.

– Ты вся бледная и глаза на мокром месте. Егор, что, тебя чем-то обидел или...

– Нет, мам, тебе кажется, просто живот скрутило, пойду выпью таблетку и полежу, хорошо? – отвечаю немного быстрее, чем нужно, но мама, не заметив моего волнения, зачарованно смотрит на цветы.

– Конечно, не забудь хорошо запить водой, – отвечает она и, забрав из моих рук букет, задумчиво смотрит на свои вазы, выбирая, какая из них больше подойдёт.

Похоже, маму устроила моя ложь.

Где же таблетки? На кухне дрожащими руками перебираю содержимое шкафчиков, для вида придётся выпить обезболивающее.

Родители ничего не заподозрили, а ещё говорят, что родные люди могут чувствовать друг друга. Видимо, это не про нас. Обида на маму с папой комком застывает в горле, но, раскуси они меня, было бы ещё хуже. Меня по-прежнему трясёт, в висках всё ещё пульсирует боль.

– Нашла?

Я подпрыгиваю от неожиданности, сзади неслышно подошла Вера.

– Ой, это ты, – взглянув на неё, я тут же снова отворачиваюсь, продолжая искать таблетки.

– А кого ты ждала?

– Никого. Просто не ожидала.

– Ты вернулась такая загадочная, что-то случилось? – Вера подходит ближе и движением бедра захлопывает открытую дверцу стола.

– Ничего, всё нормально.

Нервно тереблю красную упаковку темпалгина, пытаюсь открыть её. Но пальцы не слушаются и постоянно попадают мимо.

Какое-то время Вера молча наблюдает за моими попытками, а затем забирает пачку из рук и бросает её на стол.

– Сядь, – говорит она вполголоса и закрывает кухонную дверь, избавляя нас от случайных слушателей.

Я послушно опускаюсь на стул. Вера садится напротив и заглядывает мне в глаза, и я тоже внимательно смотрю на неё.

Сейчас она выглядит ещё серьёзнее, чем всегда. Моя родная сестра. Мы столько лет жили в одном доме, выросли вместе и знаем друг друга со всех сторон. Её успехи были для меня единственным примером всю жизнь, она такая же родная, как родители, и просто не может мне не поверить.

Решение приходит мгновенно – я не могу оставить её в неведении! Послушаю, что она скажет, а потом выложу всё как есть. Меньше всего хочу причинить боль родному человеку, но лучше сделать это сейчас, чтобы потом не стало хуже. Я протягиваю руку к её ладошке – в детстве близость сестры всегда помогала успокоиться, но Вера резко останав-

ливаает меня.

– Паш, что ты задумала? – спрашивает она холодно.

– Что? О чём ты?

– Ты сейчас разговаривала с Олегом? Он никогда не курит так долго, значит, ты столкнулась с ним на площадке и о чём-то говорила.

– Ни о чём я с ним не говорила, вышла из лифта, а он стоял у двери.

– Пашка! – резко хлопнув рукой по столу, перебивает меня Вера. – Не знаю, что ты нафантазировала, но лучше сразу откажись от всех своих безумных идей! Я тебя насквозь вижу! Столько лет тебя терпела! – её голос срывается на крик, но тут же сестра осекается и оглядывается на дверь.

Убедившись, что нас не слышат, она встаёт и начинает ходить по кухне вперёд-назад, нервно щёлкая пальцами.

Я смотрю на неё во все глаза, не понимая, что происходит.

– «Терпела»? Почему ты так говоришь? – от шока на мгновение забываю даже про выходку Олега.

– Потому что так и есть! Пока я училась и работала, тебя только баловали. Я с детства думала о семье, о родителях, старалась им помочь. Когда у папы были проблемы с бизнесом, я отдавала им всю свою зарплату и никогда не жила в удовольствие, как ты сейчас!

Я наблюдаю за ней с открытым ртом. При чём здесь это?! У всех бывают сложные времена, но сейчас совсем не время об этом вспоминать!

Остановившись у раковины, сестра резким движением открывает кран фильтра, затем вынимает из шкафа чашку, наполняет её до краёв и, залпом осушив, продолжает говорить:

– Сколько мама выплакала слез на этой кухне, известно только мне! Ты даже не представляешь, как отец срывался на нас! Ты никогда не видела этого! Тебя всегда оберегали, считали, что ещё мала, а вот и результат – в твоей голове одна ерунда! С самого детства только и умеешь, что перед мужиками хвостом крутить. И ладно бы перед чужими! – сделав паузу, сестра впивается в меня взглядом, полным злости, и продолжает стальным голосом: – Паша, я наконец нашла человека, который бережёт и любит меня одну. Ты это понимаешь?

Мысли запутались в крепкий узел. О чём она говорит? Я ничем не мешаю её личной жизни! А мама? Почему она плакала? Почему сестра так завелась на ровном месте и какие ещё мужики? До Егора их и не было, так в чём я виновата?!

Вера делает глубокий вдох, затем медленный выдох, продолжая сверлить меня глазами.

– Я очень люблю своего мужа. Не смей даже думать о нём! Ты поняла меня? – она наклоняется и больно сжимает мою руку.

– Слышишь?! Отвечай! Ты поняла?

Её длинные ногти впиваются в кожу. Я вскрикиваю от боли и отдёргиваю руку.

Глаза сестры сияют яростью, скулы плотно сжаты – она

очень зла. Не помню, видела ли я когда-нибудь её такой.

– Вера! Я никогда о нём не думала! Ни разу! Это он со мной заговорил! Я просто шла домой, – сама не понимая зачем, начинаю оправдываться.

– Замолчи! Слышать ничего не хочу! Даже не думай!

Не в силах держаться дальше, я даю волю эмоциям, и из глаз вмиг вырывается поток слез, а губы начинают трястись. Соскочив со стула, бросаюсь на шею сестре.

– Вер! Послушай! Там такое было, я ничего не делала, ничего не хотела!

Но она с силой отталкивает меня так, что я ударяюсь головой о шкаф. Глаза застилает пелена слез, ничего не вижу, не могу говорить внятно. Дрожащей рукой нахожу полотенце и вытираю лицо. Вера стоит у двери, собираясь вернуться за стол.

– Подожди! Подожди, дай мне рассказать тебе, – бормочу я.

– Нет уж! Слушать оправдания или смотреть, как ты ревёшь? И не подумаю! Надеюсь, ты поняла – Олег мой!

Последнее слово Вера говорит таким тоном, что я вздрагиваю, как от удара тока. Не оглядываясь, она открывает дверь и уходит прочь.

Как такое возможно? Родная сестра, которая всегда любила меня, вдруг стала чужим человеком, полным обиды и злости. Что происходит и в чём моя вина перед семьёй? Неужели она на самом деле думает, что я могу испытывать к Олегу

что-то, кроме отвращения? Голова болит от удара, меня разрывают вопросы без ответов. Сил успокоиться совсем нет, а из комнаты по-прежнему доносятся разговоры и смех.

Впервые за долгое время вся моя семья в сборе.

Я тенью крадусь в свою комнату и, рыдая, падаю на постель. На столе надывается мобильник, но мне всё равно, кто звонит, сегодня я недоступна.

* * *

Голова раскалывается на тысячу частей. Я лежу в одежде, в нерасправленной постели, по пояс укрытая пледом. Похоже, родители не стали меня будить, а заботливо выключили свет и укрыли, чтобы не замёрзла.

Значит, Вера ушла. Даже не попрощавшись со мной...

С ужасом вспоминаю вчерашний вечер, сегодня при ярком утреннем свете всё кажется нереальным, словно я посмотрела недобрый фильм. Нужно принять душ, смыть с себя весь этот кошмар.

Хочу подняться и опираюсь на руки, но они тут же подламываются, а в виски ударяет резкая боль. В глаза бросаются следы ногтей на запястье.

Господи, что же это было! Дыхание перехватывает, и я снова начинаю рыдать.

Накрываю лицо подушкой, чтобы не разбудить родителей своими всхлипами.

Вера... Неужели она решила, что там, на лестничной площадке, я заигрывала с её мужем?! Как такое могло прийти ей в голову? Родная сестра совсем меня не знает. Она была такой злой и обиженной, но я никогда не желала ей ничего плохого и даже не догадывалась, что в нашей семье были какие-то проблемы!

А Олег?... Почему он решил, что я соглашусь на такие гадкие вещи и смогу предать сестру?

В памяти всплывает мерзкий запах его тела. И в страшном сне я не могла представить себя в постели с этим мужчиной.

Подушка уже стала мокрой, я отбрасываю её в сторону и зарываюсь лицом в простыню.

– Не плачь, – непонятно откуда раздаётся голос.

Что это? Я вздрагиваю и подпрыгиваю на постели, забыв о боли.

В комнате никого нет, в квартире тихо, значит, родители ещё спят.

Это нервы сдают, нужно попробовать ещё поспать.

Снова опускаюсь головой на простыню и закрываю глаза.

– Не бойся.

Опять!

Соскакиваю с кровати как ошпаренная – на этот раз точно не показалось!

Быстрым движением достаю из-под стола туфлю – после клубных танцев я не успела убрать её в шкаф. Конечно, это не пистолет и не бита, но для самообороны сгодится, да и,

на счастье, туфля попала с металлической шпилькой! Вот теперь можно искать непрошенных гостей...

Под столом, в шкафу, за дверью никого нет. Ещё раз осматриваю все места своей комнаты, где каким-нибудь немыслимым образом утром выходного дня мог оказаться человек.

Везде пусто.

Значит, я сошла с ума, нельзя столько реветь. Не хватало только слуховых галлюцинаций...

Опускаюсь на ковёр, поджав ноги, и сворачиваюсь в калачик, закрывая руками лицо.

– Не открывай глаза, давай поговорим.

Нет, ну это ни в какие ворота!.. Что происходит?!

Быстро встав на ноги, пытаюсь собраться с мыслями. Я точно здесь не одна! Наверное, на лоджию кто-то забрался и издевается! Я тут же подбегаю к окну и распахиваю шторы.

Нет, балконная дверь плотно закрыта. На лоджии, как всегда, старые вещи, родительские пакеты с удобрениями и папина зимняя резина.

В доме нет никаких изменений, значит, это со мной что-то не то.

Нужно выпить воды и успокоиться, надеюсь, тогда галлюцинации оставят меня.

Войдя на кухню, невольно вспоминаю вчерашний разговор с сестрой, и слезы снова подступают. Усилим сдержи-

ваюсь, наливаю полный стакан воды и залпом пью.

Голова становится ясной.

В комнате беру со стола мобильный. Шесть часов утра. Пять пропущенных от Славки и sms от Егора: «Спокойной ночи, любимая, я счастлив».

Конечно, если я перееду к Егору, Олег меня никак не дождется! Спасительная мысль на мгновение дарит прилив радости, но тут же безвозвратно исчезает. От этого совсем не легче – моя сестра живёт с чудовищем!..

Да и переезд станет не долгожданным этапом в отношениях, а испытанием. Сам того не понимая, Егор торопит меня, не давая почувствовать необходимость этого шага.

Опять забираюсь под плед, теперь уже с головой, чтобы солнце не мешало. Нужно постараться расслабиться и ни о чём не думать. Всё тело ломит, ноющую руку засовываю под подушку, так меньше болит. Хочется спать.

– Можешь не искать, увидишь меня, только если сам решу показаться.

Снова вздрагиваю, но притворившись спящей, остаюсь лежать под пледом, как в детстве, когда одеяло было самым надёжным спасением ото всех кошмаров. Что это может быть? Какая-то шутка?

– Да не шутка я! И хватит бояться!

Голос звучит удивительно добродушно, интонация детская, словно со мной разговаривает ребёнок. Неужели сюда забрался кто-то из соседской ребятни? Ох они от меня и по-

лучат!

Но страх снова пробегает мурашками по спине – я думала молча, про себя... Я ничего не произносила вслух!

– Да! Не произносила! Я читаю твои мысли. Пожалуйста, перестань бояться.

Сбросив плед, я мотаю головой из стороны в сторону, пытаюсь найти происходящему разумное объяснение. Всё по-прежнему. Солнце светит, часы тикают. Я у себя дома. В соседней комнате спят родители. Если что, я всегда могу закричать, и отец придёт на помощь. Снова накрываюсь с головой и мысленно спрашиваю:

– Ты кто?

– Ой, какая ты молодец! – раздаётся детский залиvistый смех. – Я так хочу поговорить, а здесь совсем не с кем! Я Ангел.

Я что, всё ещё сплю? Какой такой Ангел? Мы же не в сказке, не в фильме и не церкви, в конце концов.

Стараюсь не думать о том, что беседы с голосами выходят за границы моих представлений о нормальном психическом состоянии, но неожиданно страх исчезает, а поговорить с весёлым ребёнком хочется всё сильнее.

– Кто?! Откуда ты здесь взялся? Ты слышишь, что я думаю?

Ребёнок продолжает радостно хохотать.

– Ну Ангел я, обычный ангел-хранитель! Не слыхала, что ли, про нас? У каждого человека такой есть, ничего особен-

ного!

– Так ты мой Ангел? Поэтому я тебя слышу?

Происходящее не укладывается в голове, но странный разговор продолжается вопреки логике.

– Нет, не твой. Своего ты никогда не услышишь и, надеюсь, что не увидишь. А вот со мной можно поболтать.

– А почему тебя не видно?

– Чтобы ты не испугалась, не начала кричать и кидаться в меня предметами. И чтобы твои родители не решили, что их дочь с катушек съехала.

Если честно, я сама очень близка к такому выводу. Воображение рисует образ, навязанный киноиндустрией, – маленький пухлый мальчик с нимбом.

Страх по-прежнему сидит внутри, но любопытство берет верх.

– Если не буду кричать, покажешься?

– Ну, не знаю... а точно не обманешь? Если закричишь, я обижусь и больше не буду с тобой разговаривать.

Голосок звенит как колокольчик. В глубине души всё ещё надеюсь, что это какой-то непонятный мне розыгрыш.

– Точно, – мысленно отвечаю я и жду.

Ангел снова смеётся. Это очень весёлый ребёнок.

– Хорошо! Ты готова? Тогда смотри!

Тишина. Я лежу под пледом, крепко зажмурив глаза, и никак не решаюсь посмотреть: появилось передо мной что-то необычное или нет.

Проходит пара минут. Вокруг ни звука.

А может быть, взять и уснуть, а проснуться в привычной комнате, где нет чужих голосов?

– Эй, ну что ты там сидишь, я сейчас обратно исчезну.

Сбрасываю плед и открываю глаза. Такого просто не может быть, так не бывает!

По телу тёплой волной прокатывается восхищение, я быстро моргаю и тру глаза, но видение не исчезает. Это потрясающе! Такой красоты я не видела никогда!

Не знаю, сколько сижу вот так, выпрямившись и с открытым ртом. Но, когда прихожу в себя, понимаю – на моём ковре сидит Ангел! Самый настоящий Ангел!

Он лучше, чем я могла себе представить, но именно такой, каким его веками описывают в книгах. Два белых крыла разложены за спиной, каждое пёрышко сверкает и переливается. Белый цвет такой насыщенный и чистый, что мне не с чем его сравнить. Кожа мерцает мягким светом, кажется, Ангел сделан из бархата. Маленькие ручки сложены на коленях, маленькие ножки скрещены и загнуты под себя. Короткие волосы вьются. Розовые щеки сияют румянцем – похоже, Ангел смущён или растерян. Идеальной формы алый рот слегка приоткрыт. А огромные, обрамлённые длинными густыми ресницами глаза небесно-голубого цвета сияют как звёзды.

Ангел похож на уменьшенную вдвое копию ребёнка.

Я нахожусь в самом настоящем восторге и еле сдерживаю

желание подбежать и начать гладить малыша по белоснежным крыльям.

Похоже, гость терпеливо ждёт, пока я приду в себя. Постепенно разум возвращается и, собравшись с мыслями, я шёпотом говорю.

– Ты очень красивый.

Ангел расплывается в прекрасной улыбке, а его щеки ещё больше покрываются румянцем. Малыш открывает рот и очень тихо что-то говорит.

– Что? – переспрашиваю, осторожно наклоняясь к нему.

Ангел опускает маленькие ладошки себе на глаза, затем убирает и снова подносит. Но я не понимаю, что это значит.

– Мы в прятки играем? Я с радостью поиграю с тобой!

Подпрыгивая от нетерпения, жду, что малыш посвятит меня в правила своей игры, но он качает головой.

– Мне что, нельзя долго на тебя смотреть?

Широко улыбаясь и хлопая в ладоши, малыш взмахивает крыльями. Они огромные! Больше, чем я думала! Похоже, он смеётся, но я этого не слышу.

Следующим жестом Ангел указывает на плед, призывая забраться обратно. Он что, собирается исчезнуть? Нет, почему так быстро?!

Я яростно мотаю головой, но Ангел настойчиво кивает в сторону пледа.

Приходится снова накрыться и зажмурить глаза. Как обидно! Почему он передумал и не стал играть со мной?

– Ты можешь слышать меня только с закрытыми глазами, – раздается его голос.

Ах вот оно что!

– Интересно почему? – в мыслях задаю вопрос.

Ангел снова заливисто смеётся. Его радость так заразительна, что я невольно тоже начинаю улыбаться.

– Просто ты слышишь меня сердцем. Не ушами! А сердце становится чутким, когда глаза не отвлекают, – весело говорит Ангел.

– Вот это да! А что ты говорил, когда я смотрела? – удивлённо спрашиваю я.

– Что все Ангелы выглядят почти одинаково, так что я не такой уж и красивый, а обычный, – смущённо говорит малыш.

Ничего себе обычный! Такое восхитительное создание я вижу впервые в жизни. Ничего прекраснее и быть не может! Но почему небесный ребёнок решил поговорить со мной и откуда он взялся в моей комнате?

– Почему я тебя вообще слышу?

– Все просто, нас слышат люди, у которых добрые и чистые сердца, но сейчас это большая редкость. Поэтому, когда я почувствовал рядом доброе сердце, сам решил заговорить с тобой. Здесь почти все ангелы заняты своими людьми, и мне очень одиноко.

У меня доброе сердце... Никогда не задумывалась.

Конечно, я никого не обижаю и никому не желаю зла. Но

получить такой комплимент от Ангела невероятно приятно.

– А почему ты не занимаешься своим человеком? Ты чей?

– Занимаюсь. Просто у меня сейчас мало работы. Я – Ангел ещё не родившегося ребёнка. Когда ребёнок родится, я встану за его плечом, и мы навсегда будем вместе. Целую жизнь будем неразлучны – он впереди, а я за спиной. Я буду его беречь, во всём помогать, наставлять. И закончим жизнь мы тоже вместе. Ангел и человек не могут друг без друга. Но когда он родится, меня нельзя будет видеть, как сейчас, – малыш грустно вздыхает. – Скорее бы... Я уже так сильно его люблю.

Вдруг меня осенило! Вздвогнув, сбрасываю плед и мысленно спрашиваю гостя:

– Ребёнок, о котором ты говоришь, он мой? Я что, беременна?

Затем закрываю глаза, чтобы услышать ответ.

Опять этот удивительный смех. Ангел, заливаясь, хлопает в ладоши и никак не может остановиться.

– А что, уже хочешь малыша?! Я могу за тебя попросить...

– Нет, конечно, не хочу! – отвечаю быстро, но тут же поправляюсь: – То есть хочу, но позже. Нужно окончить институт, выйти замуж за хорошего человека, найти работу, состояться.

В следующий миг я вижу, что мой новый друг изменился в лице, он сложил крылья за спиной так плотно, что они стали почти незаметными. Опустил плечи и взгляд, а на лице не

осталось и следа румянца.

– Что случилось? Я что-то не то сказала? – с беспокойством спрашиваю я. Ангел такой грустный, что я теряюсь, не знаю, как себя вести.

В недоумении опустившись на ковёр рядом с небесным созданием, пытаюсь заглянуть в его глаза.

Ангел подскакивает на своих маленьких ножках и, распахнув крылья, в одно движение взмывает к самому потолку. У меня перехватывает дыхание – он держится в воздухе как птица! Это невероятно... Но что он говорит? Спыхватываюсь и зажмуриваюсь.

– ...конечно, не то! Совсем не то! – взволнованно восклицает малыш, летая от стены к стене. – Ты не сказала – полюбить! Выйти замуж, значит, нужно!.. И чтобы человек был хороший – тоже очень важно!.. А любить его?! Разве это не обязательно? Разве не хочется тебе каждый день видеть любимое лицо? Глядеть в любимые глаза? И не мучиться, как большинство несчастных... Мне так жалко вас, людей! Вы сами усложняете свои жизни! Думаете лишь о себе! Добиваетесь успеха, статуса, хорошего положения... Можете горы свернуть! Но делаете это только для себя! А ведь если ненадолго забыть о собственных прихотях, остановиться и посмотреть на людей вокруг, окажется, что кто-то рядом давно ждёт, когда ты выключишь свой эгоизм, притормозишь, закроешь глаза и своим сердцем почувствуешь другое сердце!..

– А если не ждёт? – тихо спрашиваю я.

– А если не ждёт, то сам он однажды остановится, чтобы разглядеть тебя. И полюбить. А потом и горы сворачивать будет легче, а может быть, и вовсе не захочется. Понимаешь, нет счастья в этой человеческой гонке, в ваших бесконечных страстях. Счастье в спокойствии.

Вдруг Ангел замолкает и, прислушиваясь, подлетает к двери.

– Ой! Мне пора! – взволнованно говорит он. Я тут же открываю глаза, а малыш быстро делает круг под потолком и ныряет прямо в стену.

От взмаха шикарных крыльев меня окатывает сильной волной воздуха, а все тетради и бумаги на столе сдувает на пол. Гость исчезает так внезапно, что я не успеваю даже попрощаться.

– Тук-тук, – слышу мамин голос.

Дверь открывается. В комнату заходит мама, а следом за ней отец. Они всегда стучат только для вида и никогда не ждут моего ответа.

На их лицах я читаю недоумение. Оно и понятно, сейчас перед ними необычная картина: дочь сидит на полу с ошалевшими глазами, по плечи завёрнутая в плед, на постели лежит одинокий туфель с железной шпилькой, а тетради с лекциями валяются на полу прямо у них под ногами. Я наблюдаю за мамой, она встревоженно осматривает комнату и останавливает взгляд на мне.

– Доброе утро! – с улыбкой говорю я, пытаюсь разрядить обстановку.

Мама, выдерживая паузу, смотрит на отца, тот пожимает плечами.

– Ничего не хочешь нам рассказать? – говорит папа.

– Нет, – преувеличенно весело отвечаю я.

– Ты была такой расстроенной вчера, мы беспокоились, – немного помявшись, говорит мама.

– Не стоит, всё нормально, просто живот заболел, – тараторю я в ответ.

Настороженно хмыкнув, папа подходит к постели и берет в руки туфель. Очень стильный, с закрытой пяткой и открытым носком, а шпилька такая, что можно свернуть шею.

– Не по погоде обувь, – справедливо замечает отец и адресует мне пронзительный взгляд. В ответ я только расплываюсь в улыбке.

Папа знает, что, если я не захочу делиться своими переживаниями, хоть клещами тяни, всё бесполезно. А сейчас разделять с родителями свои мысли я совершенно не готова, сама с трудом понимаю, что происходит.

Несколько секунд папа пытается разглядеть хоть какой-то намёк на истину, но я непроницаема!

– А что у нас на завтрак? – натолкнувшись на возведённую мной стену, как ни в чём не бывало спрашивает папа у мамы, опустив туфлю обратно.

– Завтрак? А как же, что же?.. – мама распахивает глаза

и, взмахнув руками, ещё раз демонстрирует отцу бардак и «странную» меня.

Но папа, изобразив непонимание, берет маму за талию и вместе с ней покидает мои владения.

Допроса не будет. Ура!

– Ждём тебя за столом! – говорит отец, прежде чем закрыть дверь.

– Хорошо, я буду через минуту, – с облегчением отвечаю я.

Выдохнув, отбрасываю плед, падаю на ковёр и, раскинув в стороны руки, начинаю перебирать в уме события недавнего времени. Это похоже на удивительное сумасшествие... Я что, и правда разговаривала с Ангелом?! Я чувствую волшебную лёгкость, кажется, что небесный ребёнок одарил меня сказочным ощущением счастья!

Закрываю глаза и с надеждой задаю вопрос:

– Ты ещё здесь?

В ответ тишина.

– Ангел, миленький, поговори со мной!

И снова тишина...

Открыв глаза, встречаюсь взглядом с белым потолком. В комнате только я и никаких крылатых детей.

А он вообще-то был?!

Нервы, стресс, страх... За последние сутки я столько всего пережила. Не знаю, что из этого списка может стать причиной галлюцинаций, но, похоже, моя психика не выдержит.

вает и прогибается под напором событий.

Интересно, как люди сходят с ума? Мне совсем не хочется это узнать.

За завтраком родители осторожно расспрашивают о самочувствии, о перепадах настроения и о странном поведении. Кажется, у меня получается убедить их, что всё в порядке.

В голове до сих пор крутится образ прекрасного видения. Страсть как хочется увидеть его снова, этой невероятной красотой можно любоваться часами, но я старательно убеждаю себя в собственной адекватности и пытаюсь сосредоточиться на еде.

В голове столько мыслей, что вот-вот я лопну от их напора!

Дождёвая бутерброд с сыром и запивая его горячим шоколадом, набираю sms Славке: «Работаешь сегодня?»

Трудится подруга простым администратором в фитнес-клубе. Конечно, это не предел её мечтаний, но для работы на время учёбы – вполне прилично и очень удобно: плавающий график, фигура в порядке и нам с мамой хорошие скидки на фитнес и в бассейн.

«Нет. Я сплю», – приходит ответное sms.

Сейчас она мне очень нужна, так уж сложилось, что всеми своими переживаниями, волнениями и тайнами мы делимся только друг с другом. Спустя годы дружбы смело можно сказать, что Славка – моя личная шкатулка с секретами и

надеждами.

«Приезжай ко мне. Срочно», – пишу я.

«Ок», – ответ приходит моментально, вот что значит крепкая дружба.

Да и вообще, Славка жаворонок, ей не составляет труда подниматься рано утром.

Сегодня понедельник, папа спешно допивает кофе и начинает носиться по дому в поисках нужной рубашки, подходящего галстука, каких-то документов и ещё бог знает чего. Мама, как всегда, веселится, наблюдая за ним. В нашей семье всё наоборот, представительницы преобладающей женской части способны привести себя в порядок за пять минут, а вот папе нужен час, а то и больше.

Из дома они выходят вместе, у мамы ещё много дел, связанных с отъездом, а отец последние дни работает как никогда – усиленно и допоздна. Хорошо, что у меня сейчас почти нет занятий, свободного времени предостаточно, но к такой роскоши я не привыкла и ещё не знаю, как ей распоряжаться.

Добралась подруга быстро, не прошло и получаса. У неё забавный вид, лицо заспанное и совсем без макияжа, а волосы небрежно собраны в высокую шишку на затылке, так, что пряди торчат во все стороны.

Странно, по утрам она всегда как огурчик...

Осмотрев меня с ног до головы, Славка недовольно под-

жимает губы.

– Живая. Целая. Даже не зарёванная, – констатирует она.

– Как доехала? – спрашиваю я, меняя тему. Не с порога же вываливать на неё всё произошедшее.

– Я на такси. . . Ты напугала своей срочностью, – разуваясь, фыркает Славка.

Забираю её пальто, чтобы повесить на тремпель, а подружка, не выпуская сумку из рук, запинаясь, направляется в ванную.

Справившись с одеждой, я следую за ней.

– Ты выглядишь сонной, – говорю я.

– Вчера поздно легла, а сегодня ты решила выдернуть меня из постели.

Из сумки она достаёт зубную пасту и щётку, выдавливает длинную белую полосу и, рассматривая себя в зеркале, принимается тщательно шоркать по зубам.

Стою за её спиной и невольно улыбаюсь. Моя хорошая! Так торопилась, что даже зубы не почистила. . .

Продолжая утренние процедуры, Славка умывается холодной водой, поправляет волосы и поворачивается ко мне мокрым и красивым лицом. Я заботливо протягиваю ей полотенце.

– Ну! И какого чёрта ты подняла меня в такую рань?!

Так, похоже, Славка окончательно проснулась. В придачу к обрётённой бодрости у неё прорезался и голос, но беседовать на повышенных тонах я не хочу, всё равно эту крикуню

мне не одолеть.

– Пожалуйста, не кричи, Слав.

– Как это не кричи! Я думала, у тебя здесь Армагеддон, совпавший с моим единственным выходным!

Но её строгость вызывает только улыбку. Она пришла. Теперь она здесь, со мной! Я чувствую её, и от этого уже намного легче.

– Пойдём за стол, я сделаю тебе кофе или шоколад, что захочешь, – заботливо говорю я, настраиваясь на разговор.

Славка делает глубокий медленный выдох, освобождая лёгкие от возмущения.

На кухне набираю в чайник воды и открываю холодильник в поиске сладостей, Славка вытирается и спешит следом. На подоконнике красуется роскошный букет. Заметив его, подруга оценивающе поднимает бровь.

– Говори давай! Неужели Егор тебе предложение сделал? На вашей свадьбе я буду самой счастливой! – уткнувшись в цветы лицом, она на секунду замирает.

Один из бутонов надломлен у самого основания, но замороженная Славка не замечает этого.

– Нет, конечно! Но жить к себе позвал, – отстранённо отвечаю я, подбирая нужные слова для того, чтобы попытаться рассказать подруге хоть что-то.

– Вот это да! Когда? – усевшись на стул, Славка начинает подпрыгивать и ёрзать.

– Вчера.

– И что ты ответила? – не унимается она.

– Согласилась, – отвечаю так же отстранённо.

Кажется, что наш с Егором разговор случился уже очень-очень много времени назад, мне не верится, что ещё не прошло даже суток.

– Паш, ты чего такая заторможенная! Это же отличная новость! – восклицает подруга.

Похоже, что, предвкушая нашу совместную с Егором жизнь, Славка радуется больше, чем я. К сожалению, эта новость только верхушка айсберга.

– Да уж! Весомый повод, чтобы разбудить меня в выходной, – расплывшись в умильной улыбке, она глядит на меня мечтательно и не моргая. Думаю, сейчас в её мыслях идёт трейлер нового фильма про вечную любовь со счастливым концом.

Ставлю на стол две чашки кофе и вазочку с шоколадными конфетами. Не хочется расстраивать Славку, но деваться некуда.

– Это не тот повод, – сухо говорю я.

Похоже, кинолента в её голове остановилась. Подруга недоумённо смотрит на меня, шурша фантиком.

– Интересно, что же ещё могло произойти за один день? – осторожно интересуется она, бросив взгляд на букет и, кажется, заметив надломленный бутон.

А произошло безумно много! Но мысли собраны, слова обдуманы, можно начинать. Не желая тянуть, я говорю о

главном прямо в лоб.

– Вчера ко мне приставал Олег.

О боже, неужели я смогла сказать это вслух! В это же мгновение всё замирает.

Воздух делается тугим, время шагает медленнее. Славкины глаза распахиваются, как две бездны, и, кажется, становятся темнее с каждым моим словом. Я чувствую гулкое биевание собственного сердца. Каждый удар больно бьёт в грудь и разлетается вибрацией по всем уголкам тела. Неужели это происходило со мной.

Конфету Славка так и не съела...

Следующие полчаса я, то срываясь на крик, то рыдая, рассказываю ей о событиях вчерашнего вечера. О том, как Олег силой держал меня на лестничной площадке, прижимая к себе. О том, какие мерзости предлагал, и как, испугавшись, я решилась всё рассказать сестре, но та, наговорив гадостей, впервые в жизни так и не выслушала меня.

Славка слушает мою исповедь, пропуская через себя каждое слово.

Я всё ещё не могу успокоиться и понять, почему сестра была так груба со мной, почему не стала слушать и не дала рассказать обо всём как есть. Родной и любимый человек отвернулся от меня.

Про Ангела решаю не говорить. Рассказ о нём будет звучать как бред, и, если быть честной, спустя время я и сама не до конца уверена, что действительно видела в своей комнате

небесное создание. Возможно, в моей голове что-то просто перестало работать. У некоторых людей видения случаются регулярно, они как обезболивающие на фоне стресса. Просто сбой в системе и не более того. Так бывает, я читала.

Дослушав до конца, подруга поднимает на меня гневный взгляд, а её глаза вспыхивают. Нервно кусая губы, она сжимает кулаки так крепко, что её руки то белеют, то становятся багрово-алыми. Глядя на неё, я чувствую, что в эту минуту Славка могла бы задушить Олега голыми руками. Похоже, мой рассказ привёл её в настоящую ярость!

– Почему ты не заорала? Почему не треснула ему по башке или ещё куда?! – вскрикивает подруга, как только я замолкаю.

Вот кому уж точно незнакомо чувство растерянности и скованности. Вчера, на моём месте, Славка заехала бы Олегу коленом между ног ещё при попытке приблизиться, или воткнула бы ноготь ему в глаз, или укусила... Одним словом, не стояла бы в оцепенении, опустив глаза. Сейчас я понимаю, что сама виновата в том, что не дала отпор.

– Не знаю, испугалась, – слезы снова подступают, а голос начинает дрожать.

Славка встаёт и крепко обнимает меня за плечи.

– Я ведь и правда так часто бываю одна дома, – всхлипывая, говорю я.

– Не бойся, ты переедешь к Егору. С ним ничего не страшно.

– Это потом! А сейчас? Ещё три недели до отъезда родителей! Я не хочу вздрагивать от каждого шороха за дверью.

Славка на минуту задумывается, затем снова усаживается на стул, отхлёбывает из чашки уже остывший кофе и весело говорит:

– При родителях он к тебе не сунется, но если сомневаешься – найди себе работу!

От удивления у меня открывается рот – вот уж о чём не думала!

– Кто меня возьмёт, я же учусь.

Подруга закатывает глаза.

– Вот ты, лентяйка, уже придумала отговорку. Найди временную работу, на весну и лето. Заработаешь денег и время свободное проведёшь с пользой.

А ведь это и правда хорошая идея! Работать всё равно когда-то нужно начинать, и это намного лучше, чем сидеть целыми днями дома. Я могу выбрать для себя любую сферу, набраться опыта, познакомиться с новыми людьми, обзавестись полезными связями... мысли уносят меня в прекрасную даль, где я, одетая в деловой костюм, сижу за столом в просторном кабинете, попивая кофе из маленькой дизайнерской чашки.

– Эй, ты ещё здесь? – издалека доносится Славкин голос.

Смеясь, подруга возвращает меня с небес на землю лёгким хлопком по колену.

– Уже, небось, директором себя представила?

– Мала я ещё директором становиться, можно придумать что-нибудь поинтереснее. И спасибо за идею. Ты гений!

– Не льсти мне! И планку не задирай! Поищи простые варианты.

Ещё думая, какую профессию выбрать на ближайшие пару месяцев, я замечаю на тонком запястье Славки новый аксессуар. Браслет красивого плетения «бисмарк», из жёлтого и белого золота. У моей мамы есть похожий, и я отлично знаю, что это совсем не дешёвая вещица. Он очень элегантный, с маленьким, в форме сердца кулоном, на котором красуется изящная буква «я».

– Вот это да! Ничего себе, у тебя покупки, хоть бы похвасталась.

Славка смущённо отводит руку.

– Это подарок, – застенчиво говорит она. Видимо, она замечает, как округлились мои глаза, и заливается краской. – Помнишь, я вчера торопилась на встречу. И вот.

Не скрывая восторга, я не отрываясь смотрю на браслет.

– Шикарные украшения так просто не дарят, – говорю я, налюбовавшись вдоволь и снова обретя дар речи. – Вы что, с ним, уже... ну, это...? Могла бы рассказать, шифровщица.

– Нет, Паш! В том то и дело, – вскрикивает подруга. – Ты же меня знаешь. Да и вообще, этот парень – он даже ни на что не намекает. Он такой удивительный и такой необычный. Не знаю ни одного похожего человека. Он просто волшебный, как из старого романа.

Дальше она говорит быстро, запинаясь и перескакивая с одной мысли на другую. Встаёт, садится, опять встаёт, ходит по кухне, размахивая руками и не в силах успокоиться. Из спутанных предложений, восхищённых вздохов и широкого набора прилагательных я выстраиваю цепочку причинно-следственной связи.

На работе подруга познакомилась с интересным молодым человеком. Первые пару недель он оказывал ей осторожные знаки внимания, робко улыбался и томно смотрел «зелёными и восхитительными», с её слов, глазами. Потом у него закончился абонемент, и Славка уже попрощалась с мыслью ещё когда-нибудь увидеть своего воздыхателя, но в одно прекрасное утро мужчина появился на пороге фитнес-центра с букетом цветов. Подождав с минуту и, видимо, набравшись храбрости, он быстро подошёл к подруге, зайдя прямо в рабочую зону ресепшен, и положил букет на её колени. Славка описала этот момент как нечто настолько трогательное и чувственное, что у неё перехватило дыхание, а молодой человек, покраснев от смущения, поспешил уйти, не решившись даже заговорить с ней. Потом она, как никогда в жизни, ждала новой встречи. И вскоре дождалась. Следующим вечером, сдав под охрану центр и направившись домой, увидела, как ей поморгала фарами припаркованная напротив белая иномарка. И когда из неё вышел «восхитительно красивый» новый знакомый, ноги Славки чуть не подкосились.

– Так и сказал, что приехал посмотреть на тебя?

– Да! Слово в слово. И понимаешь, это так искренне! Я чувствую, как при каждой встрече он волнуется ещё больше меня.

– И что потом? Я сгораю от любопытства.

– Потом мы пили чай в кафе у фонтана и гуляли по аллее. По-моему, за этот вечер я прожила всю его жизнь, он рассказывал столько всего, про родителей, про школьные годы, про свои стремления и страхи, о работе, о друзьях, о своей младшей сестре, распахнул для меня свою душу. А я рассказала ему всё о себе. Разные мелочи и главные события, всего не пересказать, никогда не думала, что можно вот так, сразу, открыться человеку. Гуляли мы долго, на улице уже сильно похолодало, он уговаривал меня не торопиться домой, хотя этого и так хотелось меньше всего. И мы решили поехать к обрыву у моста, полюбоваться на реку и звезды. По дороге он остановился у какого-то круглосуточного бистро, взял там две колы и пиццу на случай моего внезапного голода.

Славка загадочно вздыхает.

– Он догадался, что ты обжора?! Да это судьба! – замечаю я, улыбаясь.

Захихикав, подруга отмахивается от меня.

– И что дальше? Что было там, у моста? – от нетерпения не нахожу себе места.

– В машине мы были совсем рядом. Он осторожно наклонился ко мне, так близко, что слышно было, как сердце забилось, и... взял меня за руку.

– Взял за руку?! – вскрикиваю я, обалдевши от такого апогея страстей. – И ты так восхищённо об этом говоришь?!

– Конечно! Ты даже не представляешь, как это было нежно! У него такие тёплые и ласковые руки, а как он смотрит на меня – восхищённо, не отводя глаз. Словно я – долгожданный подарок. Словно если отвернуться хоть на секунду, я исчезну и никогда больше не появлюсь. Мы вместе встретили восход солнца, после он отвёз меня домой. – Славка мечтательно вздыхает, нежась в своих воспоминаниях. – Прошло несколько дней, мы оба работали и не могли увидеться, ну а вчера – вот.

Подруга изящно поворачивает в воздухе запястье, демонстрируя браслет.

– «Я» означает Ярослава, верно?

Славка молча кивает, любясь вещицей.

– Он вложил в мою ладонь коробочку и сказал открыть её дома, видимо, боялся, что откажусь принять такой подарок. Теперь мы увидимся только завтра, сегодня у него много работы. Жду не дождусь!

– А чем он занимается? – наконец я задаю первый разумный вопрос.

Славка весело хихикает.

– Представляешь, у него ювелирная мастерская!

– Да ладно! Это многое объясняет, – смеюсь, замечаю я.

Мы дружно хохочем, рассматривая украшение, потом она, вспомнив что-то, встаёт и убегает в мою комнату, а че-

рез секунду ставит на кухонный стол мой ноутбук.

– Хватит хохотать, займёмся серьёзным делом. – С при-
творно важным видом она усаживается рядом.

– Это чем же? – подыгрывая, я расправляю плечи и пыта-
юсь сосредоточить на лице всю серьёзность, на которую толь-
ко способна.

– Найдём для тебя работу. Открывай интернет! – говорит
Славка, задорно взмахнув рукой.

И, с головой погрузившись в сеть, мы с подругой отправ-
ляемся бороздить виртуальные просторы в поисках подхо-
дящего источника дохода.

Весна – самое коварное время года. Когда наш маленький
город в нетерпении ждёт тепла, хитрая весна водит всех за
нос, то показав яркое апрельское солнце и высушив серые
лужи, то снова спрятав его за чёрными дождевыми тучами.
Осень, конечно, похожа на весну, но в сто раз добрее, про-
ще. Осенью люди готовы к грядущим холодам, а каждый тёп-
лый день воспринимается как бесценный подарок. Но меж-
ду двумя этими красавицами стоит любимое всеми лето. К
нему я испытываю особенные чувства.

Вечером этого же дня Егор возвращает меня домой после
прогулки в парке. Конечно, погода не балует, но нас не оста-
новит ни один прогноз! Есть в этом что-то очень романтич-
ное – раскрыв зонт и прижимаясь друг к другу, перепрыги-

вать лужи, а замёрзнув, забегать в маленькие полупустые кафе и пить горячий мятный чай.

Нежно целуя Егора на прощание, я обещаю, что на этой неделе мы ещё обязательно увидимся, а в её конце я с радостью останусь у него на целую ночь. Нам ведь нужно привыкать просыпаться вместе. От этого заявления Егор расцветает. Мне безумно понравилось делать его счастливым, оказывается, это огромное удовольствие, дарить радость другому человеку.

Войдя домой, слышу из спальни недовольный голос мамы. Кажется, она доказывает отцу, что не обязательно перевозить половину квартиры в другую страну. Что магазины везде одинаковые и все необходимое она просто купит.

Заглядываю к ним.

Шкафы открыты, весь пол заставлен коробками, мама, лавируя между ними, упаковывает свои вечерние наряды, а папа стоит посреди комнаты со стопкой постельного белья. По его лицу видно, что он из последних сил сдерживается, стараясь не закричать.

– Пап, ну зачем тебе эти простыни с наволочками? И разве вам уже пора собираться? – говорю я, вступая в безобидный спор.

– Паш, планы немного поменялись, – не отрываясь от своего занятия, говорит мама. – Мы улетаем на следующей неделе, и, может быть, ты объяснишь своему отцу, что эти тряпки – только лишний вес в самолёте!

Папа, заметив меня, по-детски утыкается носом в стопку.

– Я к ним привык. Я их люблю! – говорит он, вытирая о верхнюю простыню несуществующие слёзы.

Отбросив платя, мама подлетает к отцу, выхватывает белье из его рук и небрежно засовывает обратно в шкаф.

– Не обязательно тащить с собой всё, что любишь! – заявляет она.

– Тебя же я тащу, – фыркает отец.

– Я твоя жена! – возмущённо восклицает мама.

– Подумаешь, жена, лучше бы простыни взял.

– Да ладно вам! Хотите услышать две новости?

Остановив спор, родители осторожно переглядываются и поворачиваются ко мне.

– Хорошую и плохую? – вкрадчиво спрашивает папа.

– Ага! – весело отвечаю я.

Отец нарочито хмурит брови.

– Секта, беременность, рабство? – осторожно интересуется он.

– Не-а, – я мотаю головой, они ни за что не догадаются!

– Ну тогда удиви нас, – сдавшись, папа разводит руками.

– Хорошая – я устроилась на работу.

Мама облегчённо выдыхает и радостно улыбается.

– Плохая – у кого-то из вас мне придётся одолжить машину. С завтрашнего дня я курьер!

Переглянувшись, родители одновременно показывают друг на друга пальцем.

Ну и жадины! Хотя, если быть честной, водитель из меня не очень хороший, и они немного переживают за своих железных коней.

– Ну вы пока решайте, а я пойду на кухню перекусить, – говорю я, сдерживая смех, давно не видела родителей такими растерянными.

– Паша, стой! – Папа первым прекращает дурачиться и рукой указывает на край кровати, призывая меня сесть.

– И это весь твой рассказ? Очень мало информации, дорогая. Какой график, какие обязанности, с чего ты вообще вдруг решила работать и почему курьером?

– График свободный, главное – вовремя доставлять. А курьер – это самая приличная вакансия на короткий период. Желания работать официанткой, доставщицей пиццы или няней у меня нет, – объясняю, усаживаясь на кровать.

– Тебе что, не хватает денег? – озадаченно спрашивает папа.

– Хватает, но скоро вы уедете, и, возможно, запросы увеличатся, – хитро отвечаю я.

– Например? – он удивлённо поднимает брови.

– Ну ты же сам озвучил: захочу купить раба или ударюсь в сомнительную веру, – хихикая, закидываю ногу на ногу и облакачиваюсь на подушки.

Папа недовольно поджимает губы.

– Ну ладно вам, просто спиртные напитки и наркотики! – говорю, улыбаясь, но, похоже, родители уже выключили чув-

ство юмора.

– Про секс и рок-н-ролл забыла, – добавляет папа, цокнув языком. – Давай-ка без шуток!

– Ну, пап! Просто образовалось много свободного времени, да и сколько можно сидеть на вашей шее! – с улыбкой говорю я.

Но под таким суровым взглядом невозможно расслабиться, и я снова сажусь прямо, наблюдая за тем, как отец, нахмурившись, обдумывает всё вышесказанное.

– А по-моему, это отличная идея! – вступает мама. – А то мы её совсем избаловали. Двадцать лет живёт на всём готовом. Пусть почувствует, как даётся кусок хлеба.

– Кстати, про хлеб, очень хочется кушать, давайте поедим! – мурлычу я и адресую родителям невинный щенячий взгляд.

Моё предложение звучит заманчиво, все уже проголодались, и мы втроём идём на кухню ужинать.

Мне будет не хватать таких простых и милых ужинов с родителями. Люблю, когда мы все собираемся за одним столом и делимся событиями уходящего дня. В эти моменты чувствую себя частью единого организма, кусочком семьи. Интересно, когда появляются собственные дети, это ощущение пропадает или просто приобретает другую форму? В любом случае, родитель ты или ребёнок, самое ценное – это семья.

Треск будильника пробирается прямо в голову и долбит изнутри по черепной коробке противно и навязчиво. Быстрым движением руки хлопаю по кнопке выключения. Звук обрывается, но в ушах продолжает звенеть. С трудом открываю глаза, нужно вставать, но кажется, что тело весит двести килограмм и вытащить себя из постели просто не хватит сил. Напрочь отвыкла просыпаться так рано, но сегодня мой первый рабочий день, опаздывать никак нельзя.

Перед тем как собраться с силами, чтобы подняться, я закрываю глаза и мысленно интересуюсь, присутствует ли здесь кто-нибудь, кроме меня.

Ни звука в ответ.

Видимо, я и правда чокнулась. Надеюсь, воспоминание о привидевшемся мне крылатом ребёнке канет в Лету. Не хотелось бы до конца жизни сомневаться в собственной адекватности.

С трудом выбираюсь из тёплой постели. Солнце светит, как сумасшедшее, термометр на окне сообщает, что на улице потеплело и приближается настоящая весна. На кухне делаю себе вкусный чай с лимоном и бутерброд с сыром. После завтрака быстро принимаю душ и, окончательно проснувшись, заглядываю в шкаф с одеждой, задумчиво изучая содержимое. Так, что здесь у нас? Юбки, блузки, платья, юбки, пла-

тья, блузки, юбки, платья. Разных цветов и фасонов, на любой случай жизни. Очень люблю классический стиль. Такая одежда подходит для универа и способствует дисциплине и усидчивости.

Но стоп! Какие юбки? Сегодня я не студент, а курьер! Это значит, что придётся много двигаться, ходить вверх-вниз по лестницам и плюс к этому спешить, чтобы все успеть вовремя. Нет, платья и юбки не подходят!

Выдвигаю ящик с джинсами, достаю первые попавшиеся и забираюсь в них. Красиво, удобно и сидят идеально. Поверх чёрного лифчика надеваю клетчатую рубашку свободного покроя. А вместо каблучков – ботильоны на низком ходу.

Замечательно, из зеркала мне улыбается стильная девчонка хулиганистого вида. Осталось накрасить ресницы, собрать волосы в хвост и поспешить на новообретённую работу.

На полочке у порога меня ждут ключи от маминого авто. Чего и следовало ожидать, ведь у мамы старенькая «Тойота Витц», ненамного моложе меня, у папы же совсем новый «Хёндай» из салона. Бросаю ключи в карман куртки и выдвигаюсь навстречу новым свершениям.

Вчера по телефону вежливая девушка, обещавшая мне работу, попросила явиться к восьми утра в пятьсот первый офис нового бизнес-центра на одной из главных улиц города. И вот я стою на пороге, но дверь заперта. Очень невежливо опаздывать, если знаешь, что тебя кто-то ждёт. Присло-

нившись к стене, осматриваю пространство. У всех офисов одинаковые двери, вдоль длинного коридора висят похожие друг на друга картины с морскими пейзажами. На одной из них, той, что напротив меня, изображены кружащие над лодкой чайки грязно-белого цвета, толстопузые и некрасивые. Никакого желания посетить морское побережье такие художества не вызывают.

Засмотревшись на сомнительное произведение, я не сразу замечаю молодую женщину маленького роста и пышной комплекции. Она быстрыми шагами приближается к двери номер пятьсот один, пытаясь что-то отыскать в огромной сумке через плечо.

– Здравствуйте. Вы Павла? – обращается ко мне женщина и извлекает ключи. У неё совершенно волшебный голос, который никак не вяжется с внешностью.

– Да, доброе утро, – отвечаю строгим тоном, стараясь придать себе серьёзный вид и произвести впечатление.

– Меня зовут Карина, проходите.

Повернув ключ в скважине, женщина распахивает дверь и заходит в кабинет.

Первое, что бросается мне в глаза, едва я переступаю порог офиса, это невероятный беспорядок. Маленькое помещение, в центре которого стоит компьютерный стол, практически полностью завалено коробками, пакетами, ящиками и ещё неизвестно чем. Но Карина ловко преодолевает полосу препятствий и усаживается за свой стол. Я следую за ней.

Включив компьютер и спешно разыскивая что-то в неровных стопках бумаг на столе, женщина говорит мне:

– Значит так, Павла. Сейчас я дам вам список фирм, которые необходимо проработать сегодня до шести вечера, и коробку с письмами и корреспонденцией. Каждый конверт подписан и имеет номер, одноимённый с номером организации в списке. Пожалуйста, будьте внимательны. В некоторые фирмы адресовано несколько конвертов.

Я молча киваю.

Карина, отыскав нужный список, протягивает его мне.

– Так как вы новый сотрудник, пока поработаете с небольшими объёмами, сегодня у вас десять фирм. Бензин мы оплатим, не забудьте предоставить чеки. Зарплата в конце месяца. Если возникнут вопросы, звоните мне в любое время.

Договорив, девушка ныряет под стол, а через пару минут достаёт оттуда небольшую коробку, в которой лежит стопка белых конвертов.

– На сегодня это вся корреспонденция для вас. Хорошего дня, – говорит Карина и, улыбнувшись, снова переводит взгляд на экран компьютера.

И всё? Так быстро? Я рассчитывала на сложное собеседование, вопросы о моей учёбе и специальности или хотя бы на заполнение анкеты. Всё оказалось намного проще, но так даже лучше. Попрощавшись, я выхожу из кабинета с коробкой под мышкой.

Наш город пробуждается.

Весна начинает радовать теплотой, солнце не жалеет света, а улицы, которые казались серыми и безликими, снова становятся яркими и живыми. Центральный проспект блестит, как чешуя волшебной золотой рыбки. Солнечные лучи купаются в лужах на аллее, отскакивают от карнизов и окон домов, прыгают на крыши машин и уносятся вдаль. Я люблю старинными зданиями, делающими центр города особенным и неповторимым, наблюдаю за птицами, которых сегодня стало в разы больше, чем вчера, смотрю на девушек в яркой одежде, весело порхающих по тротуарам... Город стал лёгким и радостным, таким же, как я!

Через несколько часов езды по городским улицам, вдоволь налюбовавшись весенними пейзажами через окно автомобиля и доставив адресатам большую часть конвертов, решаю поделиться ощущениями с подругой.

– Тебе точно удобно разговаривать со мной за рулём? – Славка, как всегда, беспокоится о моей безопасности.

– Да, телефон на громкой связи, – отвечаю я.

– Как первый рабочий день? – интересуется подруга.

– Отлично! Устала немного, но это мелочи – мне нравится! Ничего сложного, а зарплата нормальная и время провожу с пользой. В одной фирме менеджер, принимающий конверты, подарил мне коробочку конфет, так что жду тебя на

чай.

Славка смеётся по ту сторону телефона.

– Коробка конфет – это вся польза?

– Да нет же, просто приятно. А как твои дела? – спрашиваю я, повернув на нужную улицу и пытаюсь следить за нумерацией зданий.

– С нетерпением жду вечера, наряжаюсь и выпрямляю кудри.

Обожаю Славкины кудряшки, но ей они порядком поднадоели, поэтому на всех праздниках и просто важных событиях подруга предстаёт с идеально прямыми волосами. Настоящий парадокс – я накручиваю, а она вытягивает.

– Не мучай свои волосы, оставь как есть, – я вступаю за натуральную красоту.

– Не хочу ходить как пудель, сколько можно! – возмущается она.

Красивые новостройки прячутся одна за другой, раньше мне не приходилось бывать в этом районе.

– Ой, Слав, чуть не проехала адрес! У меня остался последний конверт, так что скоро перезвоню.

– Хорошо, я жду. Аккуратно на дорогах... – кричит она, но я уже нажимаю кнопку – отбой.

Ух ты! Вот это дом! Выйдя из машины, я оказываюсь на здоровенной парковке и, пройдя её до конца, останавливаюсь на пороге огромного делового центра. Здесь этажей

тридцать, не меньше. Панорамные окна одно за другим стремятся вверх прямо к облакам, за прозрачными стенами видны мужчины и женщины в дорогих костюмах, шныряющие туда-сюда с важным видом.

Опомнившись, крепче сжимаю конверт и поднимаюсь по мраморным ступеням к центральному входу. Автоматические двери приветливо распахиваются, но на моём пути вдруг возникает грозный охранник с широкими плечами и суровым лицом.

– Цель визита? – спрашивает он, преградив мне путь.

– Курьер, принесла письмо, – вздрогнув, отвечаю я.

– Я должен взглянуть, – требует он.

Послушно протягиваю конверт амбалу. Он несколько раз просвечивает конверт сканером, затем читает на нём номер нужного офиса.

– Проходите. Прямо, до лифта. Шестнадцатый этаж, затем налево, – от сурового голоса становится не по себе. Вот это система охраны... непрошеным гостям сюда точно не попасть.

Кивнув, я следую по указанному маршруту.

Огромный зеркальный лифт даёт возможность увидеть себя со стороны. Да уж, сегодняшний прикид никак не вяжется с прогулками по таким шикарным зданиям. Смутившись, отвожу глаза от отражения.

Лифт стремительно мчится вверх. Количество кнопок сообщает, что в здании тридцать пять этажей. Напротив каж-

дой кнопки изображены логотипы организаций.

Я всматриваюсь в маленькую красную эмблему рядом с номером шестнадцать – «Мастер-строй-град». Видимо, какая-то крутая строительная фирма, раз офис в таком здании! Я о такой и не слышала... Может быть, они строят только элитные дома, а возможно, недавно открылись или...

Но времени додумывать нет. Двери лифта распахиваются, и я оказываюсь в просторном холле шириной с нашу квартиру. Впереди несколько прозрачных дверей, за которыми кипит работа. На одной красуется табличка «конференц-зал», внутри виден большой круглый стол, вокруг него серьёзные мужчины в галстуках и с красными лицами о чём-то спорят и машут друг перед другом бумагами. За остальными дверями множество компьютерных столиков и людей, бегающих по каким-то неизвестным мне делам.

Повернув налево, упираюсь в белую дверь с большой табличкой: «Генеральный директор Родион Эдуардович Сладковский». «Ну и имечко!» – думаю я, собираясь с духом, чтобы постучать.

Но тут дверь неожиданно распахивается прямо перед носом, и в холл вылетает мужчина средних лет с тёмной папкой в руках. Чуть не сбив меня с ног, но при этом даже не заметив, он врывается в конференц-зал, бросает папку на стол и начинает раздражённо что-то объяснять собравшимся там людям.

– Вы к Родиону Эдуардовичу? – из ниоткуда за моей спи-

ной возникает немолодая, но красивая и элегантно одетая женщина, трудно определить, сколько ей лет. Очень ухоженный вид и хорошая косметика скрывают истинный возраст.

– Да, я принесла письмо, – отвечаю, теребя в руках конверт.

– Пожалуйста, присядьте и подождите.

Дама жестом указывает мне на белый кожаный диван в приёмной. Я прохожу и опускаюсь на него. Очень удобно. Сама она садится напротив, в красивое кресло за компьютер, и, с бешеной скоростью перебирая пальцами кнопки клавиатуры, начинает что-то печатать. Видимо, это секретарь. На её столе лежат две телефонные трубки и несколько аккуратно сложенных папок.

Под ногами чувствуется мягкое покрытие – огромный ковёр с высоким ворсом. За компьютерным столом у окна в ряд выставлены несколько резных деревянных тумбочек, на каждой стоит по большому прозрачному горшку с красивыми орхидеями. Слева от меня узорчатая стена из серого матового стекла, через неё невозможно рассмотреть, что происходит в кабинете. В стене выделяется дверь, украшенная абстрактными рисунками. Смотрится все это очень красиво и дорого. Никогда не видела таких шикарных офисов. Прямо дух захватывает! Офис моего отца не идёт ни в какое сравнение с этим местом.

Входная дверь снова распаивается, обрывая поток мыслей, и в помещение входит тот же мужчина, но уже с пустыми

руками и более спокойным видом. Заметив меня, он недоумённо обращается к секретарше:

– Марина, это ко мне?

Оторвавшись от монитора, женщина с улыбкой отвечает:

– Да, Родион Эдуардович, к вам.

Я чувствую себя ужасно неудобно, сидя на потрясающе дорогом диване в своих потёртых джинсах. Нужно было надеть брюки и блузку. Но мужчина, не обращая никакого внимания на моё стеснение, открывает стеклянную дверь и громко произносит:

– Входите.

– Просто тут письмо для вас, и всё.

Поднявшись и растерявшись, я пытаюсь протянуть мужчине письмо, но он быстро скрывается в глубине своих владений. Переборов смущение, прохожу следом, закрываю за собой дверь и, повернувшись, замираю от восхищения.

В огромном кабинете приятный полумрак, словно вечер уже совсем близок. За закрытыми жалюзи прячется громадное окно до самого потолка, а на полу расстелен ковёр персикового цвета, ещё больше и изысканней, чем предыдущий. Здесь нет ничего, кроме дорогого дубового стола, двух кресел для посетителей и ещё одного, шикарного, с высокой спинкой и широкими подлокотниками, – для начальника.

Когда, осмотревшись, я прихожу в себя, Родион Эдуардович уже сидит в кресле, закинув ногу на ногу. О боже, похоже, пока я стояла в изумлении, изучая пространство, муж-

чина изучал меня.

– Здравствуйте, – робко говорю я, но голос звучит как чужой.

– Правда, здесь красиво? – с гордостью спрашивает хозяин кабинета.

Мужчина средних лет ласково улыбается, обнажив белоснежные зубы. Взглянув на него, я на мгновение проваливаюсь в сказочный сон и понимаю, что впервые в жизни вижу такие глубокие синие глаза. Неожиданно рождается желание приблизиться и заглянуть в приветливое и загадочное лицо.

– Да, красиво, – отвечаю, очнувшись.

«Давай, Паша, соберись! Ты же на работе!» – молча ругаю себя за минутную слабость. Затем, сконцентрировавшись, расправив плечи, подхожу к столу и, остановившись напротив, протягиваю письмо. Но он не спешит его брать, продолжая рассматривать меня.

Не зная, как себя вести, я замираю под взглядом синих глаз.

Мужчина совершенно расслаблен, плечи опущены, а левой подбородок немного поднят вверх. Взгляд пристальный и слегка надменный, словно я странный экспонат на выставке современного искусства.

– Присядьте, пожалуйста.

Не желая возражать, послушно опускаюсь на краешек одного из кресел.

– Вам письмо, – снова напоминаю о цели своего визита.

– Впервые вас вижу. Недавно работаете? – спрашивает Родион Эдуардович, не отводя глаз.

Он словно не слышит меня. Выпрямившись и сев ровно, мужчина немного подаётся вперёд, в мою сторону. Интересно, сколько ему лет, морщинки вокруг глаз подсказывают, что больше сорока.

– Да. Сегодня первый день, – говорю тихо, стараясь не выдать свой интерес к его персоне.

– А почему вы не оставили письмо секретарю? – спрашивает мужчина, и уголки его губ едва заметно подрагивают.

Тут от смущения я моментально заливаюсь багровой краской. И правда, почему я не вручила конверт этой милой даме? Ведь совсем не обязательно было отдавать его лично в руки адресату! Главное – вовремя доставить в указанную фирму, и всё. Замечая, как вспыхнули мои щеки, хозяин кабинета улыбается медовой улыбкой.

– Вам нечего стесняться. Я, напротив, очень рад видеть у себя такую очаровательную гостью.

Ёрзая на краешке кресла, я опять протягиваю конверт. На этот раз Родион Эдуардович поднимается из-за стола, обходит его вокруг и берет письмо, случайно коснувшись пальцами моей руки. Он на секунду замирает, но тут же убирает руку и опускается в соседнее кресло для посетителей, рядом со мной.

– Как вас зовут?

Мои щеки вспыхивают ещё сильнее, и кажется, что я во-

обще перестаю соображать, что происходит!

– Павла, – отвечаю на вопрос.

Теперь, сидя рядом, я могу рассмотреть хозяина кабинета поближе: он хорошо сложен, под рубашкой угадывается атлетическая фигура. Наверное, посещает спортзал. Большие ладони с красивыми длинными пальцами лежат одна на другой. Крупные черты делают лицо невероятно выразительным. Проблески седины в темных волосах на удивление не портят, а украшают.

– Как-как, простите? Павла?

Этот вопрос возвращает меня с небес на землю. Не сосчитать, сколько раз за свою жизнь я его слышала. А вот и ещё один человек, которого удивляет моё имя, хотя в нём нет совершенно ничего необычного.

– Да, можно Паша, – отвечаю быстро, но тут же осекаюсь.

Вот блин! Зачем я это сказала! Сейчас провалюсь сквозь землю от стыда. Какая ему разница, как меня зовут?! Несу какую-то чушь!

Но мужчина внимательно смотрит на меня, не отводя глаз.

– Что же, Паша. Тогда можете называть меня Родион.

Что?! У меня округляются глаза. Вот так просто – Родион!

Под его взглядом я чувствую себя ящерицей в террариуме и начинаю ёрзать ещё сильнее. Да и вообще, конверт я уже отдала, почему до сих пор сижу здесь.

– Извините, мне пора, – говорю я, поднимаясь.

– Конечно, простите, что вас задерживаю.

Мужчина тоже встаёт и вежливым жестом пропускает меня вперёд.

Ерунда какая-то! Это я должна извиняться, что отнимаю время у такого занятого человека. Прежде чем попрощаться, мужчина протягивает мне ладонь для рукопожатия. Соблюдая нормы приличия, даю руку в ответ. Его тёплые и мягкие пальцы несколько раз бережно сжимают мои. Родион с интересом осматривает руку на предмет колец и медленным шагом, словно следуя за невидимой музыкой, подводит меня к самой двери.

– Уважаемая Павла, впредь я хочу получать всю адресованную мне корреспонденцию лично из ваших рук.

Он говорит тихо, глядя на меня большими синими глазами и не выпуская ладонь.

Что же со мной творится... Во рту пересохло от волнения, а в животе в разные стороны разлетелись стаи безумных бабочек.

Не помню, как я прошла холл, как спустилась на лифте и завела автомобиль. Прихожу в себя уже в машине. Что это было? В кончиках пальцев чувствую странное покалывание, а закрыв глаза, вижу перед собой лицо с крупными чертами. Тут же я возмущённо мотаю головой, пытаюсь избавиться от странного видения. Это не более чем просто симпатичный мужчина. Давно не общалась с представителями противоположного пола, вот и отвыкла. Нужно чаще выходить в свет.

Телефонный звонок возвращает меня в реальность, на

экране Славкино фото.

– Алло, ты забыла про меня? – из трубки доносится возмущённый голос.

– Нет, я просто отдавала конверт адресату, – отвечаю, собираясь с мыслями.

– Понятно, а что с голосом? – настороженно спрашивает Славка.

– Все хорошо, – пытаюсь говорить обычным тоном, но по-другому не проведёшь.

– Да нет, ты словно язык отморозила, – продолжает допытывать она.

Невольно улыбаюсь. И правда, когда я взволнованна или растерянна, начинаю мямлить и говорю неестественно медленно.

– Только что познакомилась с интересным мужчиной. Он директор фирмы, в которую было адресовано письмо.

Славка недовольно хмыкает:

– И что же в нём интересного?

– Он приятный в общении, галантный, красивый...

– Паш, красота – это не повод влюбляться. Ты просто, кроме своей группы в универе и меня с Егором, людей толком не видишь. А тут столько новых знакомств за один день! В общем, не забивай голову.

– Да ты что! Не забиваю я, скажешь тоже! И про влюблённость даже речи не идёт, этот человек в отцы мне годится.

Славка снисходительно вздыхает прямо в трубку. Сама не

понимаю, зачем я начала оправдываться.

– Слав, все нормально, просто у него такие красивые глаза, глубокие и синие, вижу их как сейчас...

– Сейчас ты должна видеть дорогу, а не какие-то глаза, – строго говорит подруга. – Не думай о глупостях, лучше приезжай ко мне, выпьем по чашечке кофе.

– Отличная мысль, скоро буду, – радостно отвечаю я.

– Жду, и конфеты не забудь! – хихикнув, добавляет Славка и кладёт трубку.

По пути к подруге анализирую новое знакомство. Пытаюсь представить себя со стороны глазами мужчины. Простая девчонка, с письмом в руках. В джинсах и рубаше я выгляжу, мягко говоря, не королевой. Возможно, мне померещилась заинтересованность в его взгляде, ведь привлечь такого взрослого и состоятельного мужчину мне совершенно нечем. Секретарша в приёмной, и та выглядит в сто раз лучше меня.

Поток непослушных мыслей бурлит в голове. Интересно, он уже женат? Судя по солидному возрасту, конечно, женат, может быть, даже не один раз. И дети наверняка имеются, хотя на столе не было ни одного фото с улыбающейся детской мордашкой. Хотя какое мне дело!

Снова мотаю головой, пытаюсь вытрясти из неё глупые размышления. Дорога тянется как бесконечное серое полотно под голубым небом. Спустя квартал асфальт сливается

с небесами и становится голубым, ещё спустя квартал – синим... Синим-синим, как эти глаза. Словно я опять мчусь на встречу с Родионом.

Вдруг откуда ни возьмись на проезжую часть выскакивает бабуля! Синева тут же исчезает. Я мгновенно нажимаю на педаль тормоза, но машина пролетает ещё несколько метров и только потом замирает... в миллиметре от старушки.

Остолбнев, пожилая женщина испуганно смотрит на меня, прижимая к груди потрёпанную вязаную котомку. Заглушив двигатель, выскакиваю на проезжую часть и, взяв бабулю за тоненький локоток, быстро перевожу на другую сторону, к столбу с треугольным знаком «зебра». Проезжающие мимо водители открывают окна, вертят пальцем у виска и возмущённо сигналият.

Ну вот о чём я только думаю?! Из-за навязчивых мыслей чуть не сбила бабушку. Проводив старушку взглядом, снова даю на газ и уже через несколько метров понимаю, что еду не в том направлении. Пару кварталов назад я проскочила поворот направо. Очень глупо, ведь дорогу к Славке я знаю наизусть и каждый перекрёсток мне как родной.

Нужно взять себя в руки и внимательно следить за движением, надеюсь, Славкин кофе взбодрит меня и вернёт адекватное состояние.

Дверь в квартиру мне открывает неземной красоты богиня. В шикарной девушке я не сразу узнаю подругу. Не дав

мне опомниться, Славка начинает щебетать.

– Посмотри, вот это платье, оно не слишком?..

Кружась передо мной, она демонстрирует очень короткий, алого цвета наряд, который ещё больше обычного подчёркивает стройные ноги подруги. Длинные волосы подлетают вверх и опускаются вниз в такт каждому движению. Макияж идеальный, натуральный и невычурный, тёмные брови и длинные ресницы завораживают даже меня. Хотя косметика – это последнее, на что я обращаю внимание. С такими ногами и волосами она может позволить себе не краситься вообще.

– Ты потрясающе выглядишь! – произношу с чувством, чтобы подруга видела, в каком я нахожусь восторге.

– Платье, платье! – Славка щёлкает пальцами перед моим лицом. – С самого утра наряжаюсь, уже сама на себя не похожа, а в платье не уверена.

– Платье – отпад! Еще бы на пару сантиметров длиннее, и в самый раз.

– О'кей, поняла! Она подпрыгивает на месте и уносится в комнату, видимо, желая переодеться и показать мне что-то ещё. Сняв куртку, небрежно бросаю её на пуфик возле входной двери.

Из недр квартиры доносится Славкин голос.

– Сделай нам кофе и в холодильнике что-нибудь поищи, ты наверняка проголодалась.

Голод и правда неприятным комком ворочается в животе.

Из коридора прохожу прямо на кухню. В гостях друг у друга мы всегда можем расслабиться и быть как дома. Да и вообще, позволить кому-то рыться в твоём холодильнике, поглощая любую понравившуюся еду, – это высшая степень доверия. Наливаю кофе в две большие кружки и, наткнувшись на колбасу с сыром, решаю по-быстрому приготовить горячие бутерброды.

Славкины родители вечно пропадают на работе. Они оба – отличные журналисты, отец трудится в журнале, а мама на телевидении. Застать их дома можно только зимой, когда работы становится меньше чем обычно. Во все остальное время – просто завал: ежедневные репортажи, постоянные командировки, интервью и тому подобное. Но подруга отлично приспособилась к самостоятельной жизни. Не устраивает тусовки и не выводит из себя соседей, не водит парней и не пропадает каждую ночь в клубах. В общем, живёт в удовольствие, но ведёт себя при этом вполне прилично. Не считая, конечно, только что увиденного красного платья.

– А вот это? – из-за спины раздаётся Славкин голос.

Обернувшись, я вижу перед собой лесную нимфу с цветком в волосах. Теперь её наряд больше напоминает не коктейльное платье, а сарафан нежно-голубого цвета, из струящейся до колен ткани. На талии красуется тонкий белый пояс, делая подругу ещё стройнее чем есть.

– Супер!

Давно не видела её такой нарядной. Но, честно гово-

ря, подруга не всегда могла позволить себе красивые вещи, несколько лет назад на фоне дефолта и сокращения рабочих мест в её семье случился настоящий кризис. Долгое время подруге вместе с родителями приходилось экономить на всём, начиная с еды и заканчивая одеждой. Но нет в жизни проблем, которые не по плечу крепкой и дружной семье. Не без труда Славкина мама пробилась на телеэкраны, а отец вскарабкался на верхушку служебной лестницы.

– Правда нравится? – щебечет Славка, подпрыгивая на цыпочках и теребя блестящую пряжку пояса. Я улыбаюсь, наблюдая за её движениями.

Поймав мой взгляд, Славка оставляет поясок в покое и опять начинает кружиться, приподнимая ладонями складки ткани. Она такая счастливая, что меня тоже накрывает волной радости, и, смеясь, мы уже вместе прыгаем посреди кухни, как две скаковые лошади.

Микроволновка звякает, сообщая нам, что еда готова.

– А ты не рано нарядилась? – спрашиваю я, опуская тарелку с бутербродами на стол.

– Нет, как раз вовремя. Рома уже освободился, заедет через час, мы как раз успеем поболтать.

– Значит, твоего принца зовут Роман? – улыбаясь, переспрашиваю я и кусаю бутерброд.

– Да, Рома, Ромочка, – Славка произносит это имя так протяжно и сладко, словно в жизни не встречала более прекрасного сочетания букв. – Весь день как на иголках, так хо-

чу его увидеть снова, что не нахожу себе места. Чувствую, что это будет ещё один волшебный вечер. – Подруга томно вздыхает, отхлёбывая кофе из чашки. – А как твои дела, Вера с Олегом не объявлялись?

От этого имени внутри все съёживается. Думать о нём неприятно, но нужно! Чтобы не попасть в такое же положение ещё раз.

– Нет, и вряд ли на этой неделе объявятся. – От воспоминаний становится дурно, и я отодвигаю тарелку с бутербродом в сторону. – Уже в понедельник я провожаю родителей в Болгарию. А в субботу иду ночевать к Егору, чтобы порадовать его и не мешать маме с папой окончательно собраться. Думаю, тогда и мой предстоящий переезд обговорим.

– Ты точно сможешь в понедельник все успеть? Теперь ещё и работать нужно... Если что – звони, помогу чем смогу.

– Спасибо. Надеюсь, что, как и сегодня, будет немного конвертов.

А ещё надеюсь, что хотя бы один из них завтра, послезавтра или когда-нибудь будет адресован на улицу Маяковского в офис строительной фирмы, мужчине с бездонными голубыми глазами. Что-то невероятно притягательное есть в этом человеке. Нет, я не хочу выступить в роли соблазнительницы! И осознаю, что мы с ним из разных жизней, миров и разных возрастных категорий, но было бы здорово увидеть его ещё хотя бы раз.

С каждым днём конвертов становится больше, но интересующего меня адреса нет в списке ни на следующий день, ни ещё через день, ни через два. Каждый раз, садясь в машину с коробкой, я изучаю её содержимое, составляя письма в аккуратные стопки по алфавиту. Глубоко внутри теплится надежда, что Карина забыла внести организацию в общий перечень, так было единожды с другой фирмой. Но нет, на Маяковского – снова и снова пусто.

Кружа целыми днями по городу, пару раз я проезжала мимо делового центра, гордо возвышающегося над другими зданиями. Однажды даже заскочила перекусить в кафе напротив. Сидя у окна с чашечкой латте, я пыталась вычислить нужное окно на шестнадцатом этаже. Может быть, в нём хоть на секунду промелькнёт силуэт загадочного мужчины. Но офис располагался слишком высоко, и мне ничего не удалось разглядеть.

Славка каждый день тешила мой слух дивными рассказами о свиданиях с Романом. За такой короткий срок подруга умудрилась втрескаться по уши, и я всем сердцем радовалась, что это взаимно. Егор ежедневно заваливал меня любовными sms, предвкушая наши скорые выходные, отъезд родителей, а следом и надвигающийся совместный быт. Расстраивало лишь то, что мне не очень-то хотелось проводить с ним каждую свободную минуту. И уж тем более всю жизнь.

А тем временем весна набирала обороты, на смену лёгким кардиганам приходили открытые платья. Художница погода

с каждым днём добавляла на картину города всё больше красок. Зелёный цвет заполнял проспекты, а лица людей расцветали в улыбках.

* * *

Утро субботы ничем не отличается от предыдущих.

Резким хлопком заставляю будильник молчать. Сегодня он звонит позже обычного, но всё равно хочется спать. Ещё на пару минут закрываю глаза, прокручивая в голове задачи на грядущий день. Итак, до обеда я заскочу повидаться к Славке, потом планирую сделать генеральную уборку. Родители собираются сегодня пообедать в ресторане, и им будет приятно вернуться в чистый дом. Потом приму душ, переоденусь и сразу к Егору на работу. А оттуда нам прямая дорога в романтический, полный любви и страсти вечер.

По телу растекается приятная теплота. Егор всегда очень внимательный и нежный, интересно, что он на этот раз придумает. Когда мы долго не видимся, я тоже начинаю ждать встреч. Конечно, безумной любви в сердце пока нет, но привязанность – это тоже хорошее чувство.

Неожиданно меня окатывает волной холодного воздуха такой силы, что одеяло приподнимается в воздух. Словно я лежу не в постели, а на взлётной полосе, прямо под оторвавшимся от земли самолётом. Открываю глаза, в комнате пусто, окна закрыты.

Похоже, я продолжаю медленно, но верно сходить с ума, зрительные и слуховые галлюцинации уже были, пришло время глюков 4D.

Родители тоже проснулись, за стеной я слышу папин голос, он говорит громко и нервно. Обычно родители не встают так рано, интересно, что они не поделили в этот раз.

Поднимаюсь с постели, намереваясь заглянуть к ним и спросить, в чём дело, но тут прямо перед моим лицом проносятся два больших белых крыла. Ангел вылетел из одной стены и, не замечая меня, исчез за второй, волны воздуха от крыльев такой силы, что потоком меня отбрасывает в сторону.

Вот он! Снова здесь! Значит, я не сумасшедшая! У ненормальных людей глюки не повторяются. Значит, моё сердце действительно доброе и я правда вижу Ангелов! От радости я готова станцевать посреди комнаты или закричать на весь дом, но мой знакомый снова пролетает комнату насквозь – теперь он мчится в спальню родителей. На этот раз удаётся разглядеть его лицо и становится понятно – что-то не так. У малыша ужасно испуганный вид, его глаза полны слез, а губы крепко сжаты.

Может быть, сейчас он прилетит ко мне и объяснит, что случилось? Несколько минут стою в замешательстве, переминаясь с ноги на ногу.

Не дождавшись, иду искать Ангела. Открываю дверь и, не успев переступить порог, чуть не врезаюсь в отца. Видно, что

он очень зол, если не сказать взбешён.

Широким шагом папа направляется на кухню.

– Пашка, смотри, куда идёшь! – рычит он, оставляя меня за спиной. Видимо, снова проблемы на работе или с поездкой что-то не срослось.

– И тебе доброе утро, папочка, – ласково говорю я.

Но он не обращает никакого внимания на меня. Ничего, под горячую руку лучше не попадаться, остынет и сам все расскажет.

Легонько толкнув дверь в родительскую спальню, я на цыпочках вхожу внутрь. Вдруг мама ещё пытается спать, заткнув уши, чтобы не слышать криков отца? Наверное, ему опять с утра пораньше с работы названивают....

– Мамочка, ты спишь?

Она лежит ко мне спиной, накрывшись подушкой и по самые уши натянув одеяло. Обойдя кровать с другой стороны, я в ошеломлении замираю. На ковре около мамы, свернувшись комком, как маленький брошенный щенок, лежит Ангел. Крылья дрожат как листва на ветру. Вздрагивая, малыш плачет. Не зная, что делать, я опускаюсь на край кровати и крепче обнимаю маму. Сейчас я разбужу её и под каким-нибудь предлогом выпровожу на кухню, чтобы поговорить с малышом без посторонних. И вообще, почему он здесь, с ней, а не со мной? Неужели она тоже его видит?..

Но мама только выше натягивает одеяло, а из-под подушки раздаются тихие всхлипы.

Да что здесь творится?!

Неуверенный зародыш мысли прорастает в моей голове. Как же я сразу не догадалась, даже не предположила, что в нашем доме забеременеть могу не только я!

Это кажется совершенно невероятным, но есть только одна причина, по которой Ангел и моя мама могут плакать одновременно. Конечно, я могу её понять, ведь родители совсем не планировали ещё детей, а нас с Верой всегда было более чем достаточно.

Бедная мама, сейчас она в растерянности, а несчастный маленький Ангел испугался такой реакции. Нужно выстроить в голове цепочку слов, чтобы задать маме деликатный вопрос. Но тут дверь распахивается, и в спальню ураганом влетает отец.

– Вот они, твои грёбанные таблетки! Он трясёт над кроватью упаковкой медикаментов. Мама отбрасывает подушку и, зарываясь в одеяло, начинает плакать навзрыд.

– Какого чёрта ты их не пила, я тебя спрашиваю, смотри на меня! Он срывает с неё одеяло и, сильно дёрнув за руку, садит на постели. Теперь мы с мамой совсем рядом, так, что мне хорошо видно её лицо.

Сколько же слез она выплакала, ни разу в жизни я не видела у неё таких печальных глаз, она вся трясётся и всхлипывает. Продолжая орать, отец крутит упаковкой таблеток перед её лицом. Но у мамы настоящая истерика, она не может даже поднять глаза на мужа. В следующий миг папа об-

ращается ко мне.

– Представляешь, дочь, твоя мать залетела! Решила, что это ей уже не грозит, и перестала предохраняться! – он говорит резким, язвительным тоном и смотрит на маму так, словно она не забеременела, а убила человека.

– Пап, – я несмело подаю голос, – но ведь в этом нет ничего страшного.

Отец меняется в лице и, не понижая тона, переключается на меня.

– Что? Ничего страшного?! Ты взрослая девушка! Понимать должна, что мы улетаем через два дня, билеты куплены, гостиница оплачена. Аборт не лёгкая процедура, пока врачи все из неё выскребут... – Он небрежно бросает упаковку рядом с мамой. – Пока она очухается и восстановится. Мне в другой стране нужна помощница, а не приходящая в себя после операции немощная развалина, и уж тем более не пузатое недоразумение. Столько встреч запланировано, столько обедов и банкетов!

Да что он несёт! Никогда не видела отца таким. От злобного крика мне становится страшно.

Он садится на кровать, обхватив голову руками и, глядя на маму, продолжает говорить:

– Столько бумаг нужно подписать. Половина всех моих проектов работает под твоим именем, зачем я их переписал, дурак! Здесь бы тебя оставил учить наизусть инструкцию к применению противозачаточных таблеток, да не выйдет.

Отец поднимается на ноги, так резко, что мы с мамой вздрагиваем. А Ангел, рыдавший до этого на полу, расправив крылья, взмывает к потолку.

– Собирайся!

Папа открывает шкаф с одеждой и бросает в маму первое попавшееся платье.

– Я не хочу делать аборт, – мама вытирает лицо руками и говорит еле слышно дрожащим сквозь слезы голосом.

Я прижимаю её к себе в надежде хоть как-то успокоить.

Отец на секунду замирает, делает несколько глубоких вдохов, стараясь не смотреть на нас, затем быстро выходит из комнаты, хлопнув дверью так, что со встроенных в стену полок падает несколько книг.

– Мамочка, все хорошо будет, только не плачь больше, пожалуйста, – испуганно говорю я.

Но она уже не может остановиться. Мы сидим на постели обнявшись, мокрым лицом мама уткнулась в мое плечо. Отец наговорил ей ужасных вещей, как только у него язык повернулся. словно она не жена ему, а часть гардероба, и главное – это не присутствие и поддержка, а внешний вид и возможность в нужный момент поставить подпись.

Мама тихо всхлипывает, а Ангел порхает напротив меня, вытирая слезы маленьким кулачком. Мы смотрим друг на друга, и он жестом призывает меня закрыть глаза.

Сегодня его голос звучит совсем не так, как в прошлый раз, Ангел очень печален и говорит тихо.

– Не отпускай её. Твой отец очень решительно настроен, он не знает, что у тебя родится прекрасный брат, который станет отрадой для всей семьи. В два года он начнёт говорить, чисто и не коверкая слова, всем на удивление. А в школе будет учиться на одни пятёрки, пока в восьмом классе не влюбится в девчонку из параллели. Дальше судьба зависит от него самого, но поверь, мальчик будет таким умным и способным, что его ждёт блестящее будущее.

Из коридора снова слышны папины шаги. Дверь распахивается, и я понимаю, что он уже приготовился везти маму в клинику. Оделся, а в руках держит ключи от машины.

Гневно глядя на нас, он понимает, что мама ещё не готова.

– Быстро собирайся, – рявкает отец. – Бегом!

Рукой он указывает на платье, которое бросил на постель.

Перестав плакать, мама отстраняется от меня и тянется к одежде. Я выхватываю платье из её рук.

– Папа, не заставляй её! Не делайте этого, у вас родится замечательный сын!

– Замолчи, Павла! Это не твоё дело!

Отец снова начинает орать, теперь его щёки краснеют, а руки нервно трясутся.

– У нас есть двое детей, этого достаточно! К тому же нам не по двадцать лет, неизвестно, сможет твоя мать родить здорового ребёнка или нет.

Ангел что-то кричит, но я не могу закрыть глаза, чтобы выслушать его. Летая под потолком без остановок, он вновь

начинает плакать. Слезы большими светящимися каплями скатываются по щекам и, не долетая до пола, исчезают, словно искры бенгальского огня. Как жаль, что родители не могут его услышать, не могут узнать наверняка, что этот ребёнок принесёт им не неудобства, а радость.

– Он будет здоровым и очень умным, даже умнее Веры! А в два года начнёт говорить.

Отец меняется в лице. Теперь его глаза полны ярости, и я в ужасе замолкаю.

– Да что ты несёшь! Хватит с меня бредятины. На кону серьёзные вещи, а вы решили мне палки в колеса вставлять, послезавтра самолёт, нужно все сделать быстро.

Он вновь гневно смотрит на маму, и та, не осмелившись перечить, опустив голову, подходит к шкафу и начинает одеваться.

Ангел с безумными глазами бросается в её сторону и замирает точно напротив маминого лица, малыш кричит что есть силы, беззвучно захлёбываясь слезами, бьёт крыльями, но ничего не может сделать.

Выбившись из сил, он падает на пол и поднимает на меня свои голубые, полные отчаянья глаза. Я должна ему помочь.

– Папочка, подумай хорошо, дети – это счастье! Вы ведь всегда хотели сына.

– Мы хотели сына двадцать лет назад, но родилась ты. А сейчас я хочу спокойно жить, и это у меня прекрасно получалось! Если бы не твоя мать...

– Вообще-то мама не сама забеременела! – я обрываю его, не дав договорить. – Ты в этом тоже виноват.

Но зря я это сказала. Отец, словно сорвавшись с цепи, подлетает ко мне, хватая за плечи и начинает трясти.

– Закрой рот! А в следующий раз думай, как разговаривать с отцом! Это наше дело, а не твоё! Не суй свой нос!

Оторвав меня от пола, он сжимает плечи так, что слышен хруст.

От страха перед глазами словно пелена, все темнеет, похоже, я сейчас упаду в обморок.

Где наш добрый и заботливый папочка? Он никогда так с нами не обращался.

Последнее, что я вижу, – это искажённое страданием личико Ангела, он продолжает мне что-то кричать. Издалека доносятся мамины слова, она напугана не меньше меня и сквозь слезы просит папу успокоиться.

Прокричавшись, он бросает меня на кровать, и моё сознание куда-то плывёт.

Мама в панике подбегает и ищет пульс на запястье. У неё очень холодные пальцы. Рукой я чувствую складки платья, мама оделась, под напором отца она согласна ехать. Пытаюсь сказать ей, что этого делать нельзя! Хочу закричать, но не могу издать даже звука! Ужас охватывает меня, я должна рассказать им об Ангеле, передать его слова! Но вместо этого беспомощно лежу на постели, пытаюсь удержать ускользающую реальность.

Не знаю, сколько я находилась в отключке. Разум возвращает резкий запах нашатыря. Пытаюсь открыть глаза, но веки словно склеены, хочу повернуться или сесть, но тело не слушается, а к горлу подступает тошнота.

– Всё с ней в порядке. Она приходит в себя, обувайся, – отец говорит спокойно.

От этого спокойствия становится страшно.

– Давай подождём ещё немного, вдруг ей станет хуже, – мама уже не плачет.

– Только время зря теряем. Через пару минут очухается.

Что здесь происходило?! Неужели они не передумали?!

Я слышу, как отец спешно выходит из спальни в коридор.

– Давай быстрее, – торопит он маму, – а то ещё за нами увяжется.

Через секунду родители выходят из квартиры. Замок быстро поворачивается. Мне нужны силы, чтобы встать, но тело не подчиняется. В тишине я слышу, как двери лифта открываются на нашем этаже. Совершаю ещё одну попытку подняться, но голова начинает кружиться, как карусель в парке.

– Ангел, ты здесь?

Тишина.

– Ангел, милый!..

Малыш не отвечает.

– Ангел!!! – кричу изо всех сил. – Ангел, вернись!

Это невозможно, но кажется, что я слышу, как во дворе отец заводит машину. Боль пронзает все мои мысли! Они уехали!

– Ангел, я не смогла помешать! Ты слышишь, они уехали! Тишина. В комнате нет никого, кроме меня.

– Нет! Вернитесь! Вернитесь! – я кричу изо всех сил, но голос звучит, как мышинный писк. Пытаюсь собрать воедино все оставшиеся силы, но голова начинает кружиться сильнее чем прежде. Это ужасно! Ангела больше не будет!

Слезы отчаяния застилают глаза. Я – единственная могла им помешать! Только я видела Ангела и понимала больше, чем родители! Но я ничего не смогла сделать! Они уехали. Я не остановила, не помешала, не легла поперёк порога... А малыш просил меня об этом, в его глазах было столько мольбы!

– Вернитесь! – сжав кулаки, бью по постели. – Вернитесь сейчас же! Вы не можете этого сделать!

Перед тем как вновь провалиться в забытье, я издаю душераздирающий крик. Голос чужой и неестественный, словно ещё кто-то кричит вместе со мной. Или вместо меня.

Темнота перед глазами всегда одинаковая. Она мягкая и густая, я могу ходить по темноте вперёд и назад, могу плавать в ней, могу потрогать её руками. На ощупь кажется, что гладишь спину какого-то большого мохнатого зверя, волка или медведя. Скорее медведя, огромного, чёрного, разме-

ром с наш десятиэтажный дом. Я сижу на его спине. Чёрная шерсть такая густая и длинная, что не видно ни солнца, ни звёзд и нельзя понять, день сейчас или ночь. Но это очень добрый медведь, я хотела бы жить на его мягкой и тёплой спине. Здесь спокойно и темно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.